

Якимов В.

**ЗА РУБЕЖОМ
И НА МОСКВЕ**

РОССИЯ ДЕРЖАВНАЯ

Владимир ЯКИМОВ

За рубежом и на Москве

«Public Domain»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Якимов В. Л.

За рубежом и на Москве / В. Л. Якимов — «Public Domain»,

ISBN 978-5-486-03687-3

Отличительной чертой творчества русского исторического романиста Владимира Ларионовича Якимова являлось то, что в основу его произведений часто был положен исторический материал, мало известный широкой публике. Роман «За рубежом и на Москве», публикуемый в данном томе, повествует об установлении царем Алексеем Михайловичем связей с зарубежными странами. С середины XVII века при дворе Тишайшего все сильнее и смелее проявляется тяга к европейской культуре. Понимая необходимость выхода России из духовной изоляции, государь и его ближайшие сподвижники организуют ряд посольских экспедиций в страны Европы, прививают новшества на российской почве. Образно, с редким чувством юмора описывает автор каверзы дипломатической службы, неумелые, но искренние старания посланников-москвитов, впечатления иноземцев от правил русского обихода, неуклонно соблюдаемых в чужеземном окружении.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-486-03687-3

© Якимов В. Л.
© Public Domain

Содержание

Часть первая	6
I	6
II	8
III	10
IV	12
V	16
VI	19
VII	23
VIII	26
IX	28
X	31
XI	34
XII	36
XIII	40
XIV	43
XV	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Владимир Ларионович Якимов

За рубежом и на Москве

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2010

© ООО «РИЦ Литература», 2010

Часть первая

С царским посольством

I

Молодой человек громко расхохотался, когда толстяк, пробалансировав на самом краю небольшого обрыва, не удержался и, взмахнув в воздухе руками, сорвался и скатился вниз. Он быстро подбежал к краю обрыва и, продолжая смеяться, смотрел до тех пор, пока толстяк не подкатился к какому-то большому камню, о который ударился своим объемистым чревом, и не остановился.

– Что, Прокофьич, жив ли? – крикнул он, наконец перестав смеяться.

Толстяк открыл глаза и, взглянув вверх, где пред ним расстилалось голубое южное небо, сделал было попытку пошевелиться. Но в ту же минуту он громко застонал, почувствовав боль от ушибов и ссадин на теле.

– Жив ли, Прокофьич? – повторил свой вопрос молодой человек, которому теперь стало жалко своего несчастного спутника.

– Ой-ой-ой! – запричитал толстяк. – Совсем расшибся... насмерть. Мать Пресвятая Богородица! Ангелы-архангелы, святые угодники! Да что же это такое? Живого человека – и насмерть!

Молодой человек сбежал с обрыва к товарищу и наклонился над ним, а затем, беря его под руку, произнес:

– Ах, Прокофьич, и как же это тебя угораздило?

Это прикосновение заставило толстяка открыть глаза, которые у него все это время были закрыты, и вскрикнуть:

– Чур меня! Чур меня! Не тронь! Отойди, нечистая сила!

– Да ты чего, Прокофьич? Не думаешь ли, что ты теперь на том свете?

Толстяк еще шире открыл глаза и пристально уставился на молодого человека.

– Это ты, Роман? А ведь я думал, что умер! – узнав молодого человека, промолвил он. – Ой-ой! Батюшки! Всего избило.

– Ну, давай-ка я помогу тебе, – сказал молодой человек, названный Романом.

– Ой-ой, полегче, милый, полегче! – опять застонал толстяк, когда молодой человек подsunул свою руку под его спину и попытался приподнять его, что было не совсем-то легко, если принять во внимание солидное сложение упавшего. – Никак, хребет переломил. Дотронуться нельзя... Ой-ой!

Но Роман хорошо знал, что подъячий Михаил Неелов всякую боль преувеличивает. Недели три тому назад посланник московского царя, Петр Иванович Потемкин, у которого на службе состоял подъячий Михаил Неелов, сильно рассердился на последнего за то, что тот не хотел включить в грамоту королю испанскому в титуле его звание «повелителя индийских стран».

– Нет такой индийской страны, где бы король гишпанский был повелителем, – заявил Неелов. – В землях индийских не король гишпанский царствует, а Гог и Магог. Это и в книге «Зерцало тайное» сказано.

– Ой, не умничай у меня, Мишка! – Серdito застучал по столу согнутым пальцем Потемкин. – Лучше тебя, приказная строка, знаю, что говорю. Пиши, что приказываю.

– Воля твоя, государь Петр Иванович, на то ты и посланник, а мы все слуги твои... А такого титула у короля гишпанского нету и николи не бывало.

– Ой, не умничай, крапивное семя, чернильное зелье! – Продолжал стучать пальцем Потемкин. – Батошьем велю отлупить, как козу.

– Уволь, государь Петр Иванович! – Опять закланялся подьячий. – На Москве с меня спросят. Ты – посол, велик человек, а до письма не прикладный. А что в грамотах написано – с меня в Посольском приказе спросят. Хоть повесь – не могу.

Горяч был посланник далекого царства, которое за рубежом все звали Московией и про которое думали, что оно находится чуть ли не там, где небо с землею сходится, – и, схватив со стола серебряный ковш, привезенный им из Москвы, запустил им в подьячего.

Не успел увернуться толстый подьячий, и ковш попал ему в голову. Хоть и тяжел он был, но легко ударил Неелова по плечу; тем не менее последний счел необходимым присесть на землю и завывать благим матом, точно его зарезали.

Роман Яглин, вспомнив этот случай и зная, что подьячий больше стонет, чем следовало бы, не обратил внимания на его стоны.

– Ну, вставай, вставай, Прокофьич! – решительно сказал он, приподнимая толстяка с земли. – Поохал – и будет: пора и честь знать!

Но подьячий еще раз закричал, точно от невыносимой боли. Однако Роман Яглин продолжал поднимать его вверх, причем Неелов беспорядочно тыкал ногами в сапожишках с подковками в мелкий щебень, усеявший скат пригорка, и несколько раз снова падал на землю.

Наконец Яглин окончательно поднял его и посадил на ближайший большой камень.

– Ох... ох! – все-таки застонал Неелов, обтирая рукавом бархатного, выцветшего от южного солнца кафтана свое потное лицо с длинной рыжей бородой. – И разбился же я!.. Совсем захвораю теперь. Умереть, видно, придется здесь, на басурманской стороне, без покаяния и причастия, погибнуть на чужедальной стороншке без жены, без деток малых...

– Ну, будет тебе! – рассмеялся Яглин. – И Москву, даст Бог, увидим, и жену свою с детьми, и угодникам Божиим поклонимся. Вернемся туда.

– Ох, чует мое сердце, Романушка, что не вернемся. Шутка ли подумать: почти год по чужбине шатаемся! В каких землях только не перебивали: и морем ехали, и в Неметчине были, у гишпанцев сколько времени живем. А тут еще к французскому королю ехать надо.

– Ничего не поделаешь, Прокофьич, – утешал подьячего Яглин. – Надо службу царскую править. Вот побываем у французского короля да и домой поедем.

– Это, Романушка, только сказка скоро сказывается, да не скоро дело делается. Пока у французских людей поживем, да все дело справим, да в дороге пробудем – и-и сколько еще времени пройдет! А я – человек слабый, сырой, да и больной к тому же. Где же мне столько времени в дороге пробыть? Ты не гляди на меня, что я такой полный. Толщина-то эта самая у меня от болести и есть. На Москве мне это немец-лекарь сказал. Он говорит, что у меня во чреве жаба сидит. Оттого и полнота эта проклятая. И лечил он меня тогда, безоар-камень¹ давал, китайский ремень-корень толлок, подмешивал туда, да все это с селитрой взбалтывал и велел по зарям пить с молитвою. Да все не помогает. Нет, видно, придется помереть в этой окаянной басурманской стороне.

Яглин в это время сел против подьячего на небольшом камне и смотрел кругом на лежащие окрестности.

– Ну, чего ругаешь ты, Прокофьич, здешние места? – через минуту сказал он. – Места здешние, прямо надо сказать, благодатные! Глаз, кажется, не оторвал бы, век глядел бы – не устал бы.

¹ Б е з о а р – кишечный камень животных. В прежнее время ему приписывалась целительная сила. (Здесь и далее примеч. авт.)

II

Действительно, окрестности были прекрасны. Далеко на юге синели высокие горы с белевшими от снега вершинами, ослепительно сверкавшими под яркими лучами южного солнца Испании. Дальше их виднелся какой-то город с зубчатыми стенами и башнями, вдоль которых тянулись, зеленея садами, пригороды. Внизу, под самой горой, вилась какая-то река, причудливо извиваясь между встречными каменными грядами, да виднелся какой-то замок с высокими башнями и мрачно смотревшими бойницами, с несколькими часовыми, чуть ли не уснувшими, опершись на свои тяжелые мушкеты. А на востоке высилась темная гряда Пиренейских гор. Все это было облитое жарким солнцем, причудливо игравшим на стенах мрачного замка, и на поверхности веселой речушки, и на полувывиженной, желтеющей долине, и, наконец, на самых путниках, одетых в диковинные московские костюмы.

– Ну, тоже... Нашел, на что смотреть-то! – ворчливым тоном ответил подьячий. – Горы да долины, долины да горы. Эка красота, подумаешь! То ли дело у нас, на Москве!

– Да ведь ты про город толкуешь, а я тебе вот на что указываю – на натуру эту самую, – вспомнил Яглин чужеземное слово, которое помогло ему объяснить его мысль.

– Натуру! – продолжал ворчать подьячий. – Да что здесь хорошего в ней, натуре-то этой самой! Глазам только больно становится, передохнуть им не на чем. А на Москве-то у нас то ли дело! Выйдешь себе за городские ворота да как взглянешь кругом – ровень такая, что глаз не разберет, где земля кончается, где небо начинается. Лях ли, татарва ли некрещеная покажется – эва откуда увидишь их! А здесь что, в Гишпании этой! Вот идем мы с тобою горами, а кто знает, может, вот за этим камнем сидит какой-нибудь головорез в коротких штанах да и ждет, пока ты подойдешь к нему поближе, чтобы ножом тебя в бок пырнуть... Тоже земелька, нечего сказать!

– Ну, Прокофьич, – улыбнулся Яглин, – и на Москве-то у нас не совсем спокойно живется. Помнишь, как ты на курской Украине был да по дороге в Москву чуть к татарам не попал? Добро, что вовремя показались полтавские черкасы-казаки, а то быть бы тебе где-нибудь в Крыму либо на том свете.

– Верно, и у нас на Москве не все спокойно, да все там как будто легче: невдалеке от родной стороны и подохнешь-то. А ведь здесь, шутка ли, сколько ехать-то! Кабы не царская воля, ни за что не забрался бы сюда, к гишпанцам этим!

– Ну а все же ты понапрасну ругаешься, – сказал Яглин. – И здесь много хорошего. Посмотри, как здесь люди живут – без стеснения, как кто хочет. Палаты большие, бабы красивые, вино сладкое... Главное, бабы! – И Яглин подмигнул подьячему хитрым глазом.

Ворчливый Неелов не выдержал и улыбнулся:

– Да, бабы разве... Это вот ты верно! Нашим московским бабам далеко до здешних. Наша баба что? Овца, прямо надо сказать, рядом со здешними. А гишпанки – огонь, так полымем и пышут. Того и гляди, что обожгут.

– Да, пожалуй, и обожгли? – плутовато спросил Яглин, продолжая с улыбкой смотреть на спутника.

– Ну, что ты, Романушка? Разве я холостой? У меня на Москве жена осталась да шестеро ребят. Стану я со всякой басурманской бабой путаться! Я, чай, православный человек, не стану осквернять себя. И то уж поганишь здесь себя тем, что с чужеземными людишками вместе ешь, а ты про баб тут...

Но Яглин хорошо знал слабое место подьячего и решил еще немного подразнить его.

– А как же Хуанита-то? Недаром же ты в ее кабак повадился так часто ходить.

– Что же, что хожу? Хожу потому, что надо же себя освежить. С нашим посланником нужно железным быть, чтобы ума не лишиться. Хоть кого загонят. А у Хуаниты-то этой самой вино хорошее.

– То-то, вино. А кто посланнику, Петру Ивановичу Потемкину, приходил жаловаться на тебя, что ты щиплешься больно?

Подьячий густо покраснел и сразу не нашелся, что сказать в свое оправдание.

– И наврала тогда она все на меня! – наконец произнес он. – Все дело из-за Ивашки Овчины вышло. Его вина, что он напился и полез щипать ее. А я тут ни при чем.

Яглин, устремив взгляд на восток, искал там что-нибудь, что могло бы напомнить тот город Байону, куда послали их чрезвычайный посланник царя всея Руси, Алексея Михайловича, Петр Иванович Потемкин и его советник, Семен Румянцев, чтобы объявить властям города, что они прибыли к королю Франции, Людовику XIV, с предложением братской любви и согласия и находятся на рубеже Гишпании и Франции в городе Ируне. Но ничего похожего на город он не нашел.

– Видно, далеко еще нам придется с тобой идти, Прокофьич, – сказал он своему спутнику, сладко позевывавшему, так как жара совсем растомила его и располагала к покою.

– Хорошо бы кваску теперь... да с ледком! – невпопад ответил тот.

– Кто о чем, а у голодной кумы одно на уме, – сказал Яглин. – Я ему про посланниково поручение, а он – о квасе, да еще с ледком.

– А, да! Ты про город-то этот самый, чтобы ему провалиться! Не видать его? О-о! А все наш посланник виноват. Дал бы лошадей, так давно на месте были бы. А тут вот иди пешком. А я – человек сырой; долго ли мне помереть?

– Да ведь по этим горным тропинкам ни одна лошадь не пойдет; только одни ослы ходить могут. Предлагали тебе ехать на осле. Сам виноват, что не захотел.

– О, чтобы тебе типун на язык, непутевому! Да где это видано, чтоб православный человек на такой скотине ездил? Коли узнали бы на Москве про это, так парнишки на улице прохождению не дали бы, насмерть задразнили бы! – И подьячий опять широко зевнул. – Хорошо бы соснуть!

Яглин взглянул на небо. Солнце стояло еще высоко. До Байоны не так далеко осталось, и он надеялся, что до вечера они дойдут. К тому же в Ируне ему хорошо растолковали дорогу.

– И впрямь, – сказал он. – Соснуть можно.

– И доброе дело! Соснуть теперь самая пора. Православному человеку и по Писанию положено дважды в сутки спать, – убежденно ответил подьячий, снимая кафтанишко и растялая его на земле, в тени, бросаемой камнем. – Это мне наш приходский поп, отец Серафим, говорил. Он у нас умный, отец-то Серафим, – сквозь сон продолжал бормотать подьячий. – Он все читал... в греко-латинской академии был. Даже «Тайное зеркало, сиречь книга о чудесных вещах» и ту прочитал. О-о... Потому бо... – начал он путаться в словах, а через секунду уже спал.

Яглин с улыбкой поглядел на него и тоже стал укладываться на постланном около камня кафтане.

III

Из караульного дома слышались шум, и смех, и грубые шутки, порой прерываемые спором и руганью. Солдат, стоявший на карауле около самых ворот Байоны, с завистью поглядывал на этот дом, где его товарищи проводили время в попойке и игре в карты и кости. Он несколько раз порывался двинуться со своего места, но ограничивался тем, что, ударив прикладом мушкета по земле, вскидывал его на плечи и принимался ходить вдоль рогатки: он знал, что губернатор и комендант Байоны, маркиз Сэн-Пэ, имеет обыкновение проверять караулы и за каждую неисправность строго взыскивает с виновных.

А сегодня было еще воскресенье. Отправляй тут скучную караульную службу, когда все горожане ходят разряженные по улицам, с женами и дочерьми под руку, заходя иногда в кабаки, направляясь на площади, где бродячие комедианты и фокусники показывают преинтересные штуки!

Вдруг из караульного дома выскочил один солдат. Его кафтан был расстегнут, широкий белый полотняный воротник сдвинут на сторону, на голове не было шляпы. Выбежав, он остановился, затем погрозил кулаком назад и стал сыпать отборнейшею руганью.

В ответ ему на это из караульного дома раздался смех товарищей – и несколько смеющихся фигур с картами в руках показались в дверях и окнах.

– Должно быть, проигрался, Баптист? – с участием спросил часовой.

– Проигрался, – угрюмо буркнул солдат. – Сколько раз я зарекался садиться играть с этими мошенниками. Знаю, что они плутуют... А тут вот не вытерпел, сел – и до последнего су. Не на что теперь даже кружку вина выпить. Нет ли у тебя?

Но часовой в ответ только пожал плечами: он тоже был без денег.

– Пойти разве попросить у рыжего Жозефа в долг? – произнес после некоторого размышления проигравшийся солдат. – Даст ли только?

Но и часовой сильно сомневался, чтобы трактирщик, рыжий Жозеф, торговавший в кабаке под вывеской «Голубой олень», дал в долг вина.

– Все-таки попробую, – сказал солдат и уже повернулся, чтобы идти в трактир, как вдруг заметил двух людей на дороге, ведущей в Байону от испанской границы. – Э... что это за люди такие?

Часовой тоже повернулся.

Действительно, по дороге шли два человека, по обличью и по костюмам совершенно непохожие на здешних. Несмотря на жаркое летнее время, на головах у них были меховые шапки.

Один из них был толстяк, одетый в потертый бархатный кафтан с полосами из серебряной парчи на груди, в стоптанных цветных сапогах и в цветной рубахе-косоворотке, которую он из-за жары расстегнул, показывая тем свою волосатую грудь; на лице у него росла длинная рыжая борода, запылившаяся и сбита. Голова была острижена в кружало и выбрита позади.

Другому можно было дать лет двадцать пять – двадцать семь. В его одежде проглядывали большее щегольство и изысканность. Меховая мурmolка была сдвинута на затылок и открывала открытое и добродушное лицо с небольшой белокурой бородкой и густыми шелковистыми усами. Русые волосы, вившиеся кудрями, непослушно выбивались из-под мурmolки.

– Что за люди? – удивленно спросил часовой товарища.

– Святой Денис разберет их, – пробормотал тот в ответ. – Много я по свету поштался, а таких еще не видал.

– Дойти до познания какой-либо истины можно двумя способами: путем разложения целого на части и соединения всех составных частей в одно целое, – раздался позади них чей-то шамкающий голос. – Этому учит нас мать всех наук – философия.

Солдаты оглянулись. Перед ними стоял низенький старичок, одетый в черное длинное платье и в бархатную шапочку на голове. Лицо у него было бритое, с крючковатым носом и маленькими, хитрыми глазками. Из-под тонких губ выглядывало два ряда мелких почерневших зубов. Под мышкой правой руки он держал толстую книгу.

Солдаты сняли шляпы и почтительно поклонились, так как узнали в подошедшем известного всей Байоне ученого и губернаторского доктора Онорэ Парфена, или, как он сам называл себя (в подражание господствовавшей в то время между учеными тенденции переводить свои имена и фамилии на латинский язык), Гонориуса Одоратуса.

Изрекши вышеприведенные слова, он уставился взором на дорогу и стал смотреть на приближавшихся незнакомцев.

– Осмелюсь заметить, знаменитый доктор², – сказал Баптист, бывший когда-то, пред тем как сделаться солдатом, студентом в какой-то иезуитской коллегии, – что же будет, если мы последуем по одному из этих способов, хотя бы по первому, который, если не ошибаюсь, философия называет дедукцией?

Гонориус Одоратус быстро с удивлением взглянул на солдата, но тотчас подавил в себе удивление и ответил равнодушным тоном:

– А что последует, вы сейчас увидите. – Он полез в карман своего платья, вынул оттуда табакерку и, захватив из нее изрядную щепоть табаку, отправил ее в нос. Затем, прочихавшись и устремив взоры на дорогу, по которой усталым шагом шли оба странных путника, сказал: – Для того чтобы дойти до истины по этому способу, необходимо исключать некоторые однородные понятия. Общее понятие, в которое входят эти вот путники, есть понятие о человеке, о людях. Следовательно, эти два существа, идущие к нам, есть люди. Но люди принадлежат к какому-нибудь народу или племени. Мы же знаем, что племен на земле насчитывают до ста пятидесяти, число немалое! Разберем каждое из них в отдельности... Вы не устали слушать, друзья мои? – обратился он к солдатам, заметив легкий зевок со стороны Баптиста.

– О нет, нет! Пожалуйста, продолжайте, – ответили солдаты, боясь в душе, как бы не напелло на них губернатору это приближенное к нему лицо.

– Итак, – продолжал философ, – разберем все отдельные народности. Что это не жители Европы, доказывает их странный костюм. У французов, англичан, шотландцев, испанцев, обитателей итальянских государств, австрийцев, швабов, саксонцев, шведов, датчан, фламандцев и некоторых иных нет такого платья, как у этих незнакомцев. Правда, их лица похожи на наши же, но это – лишь один признак, который мало что значит. Однако это и не неверные турки. Правда, их головные уборы похожи на турецкие, но они сшиты не из материи, а из мехов. Хотя бороды их и похожи на турецкие, но это тоже ничего не значит. Это не есть и алжирцы или варварийцы, так как у них нет в ушах женских металлических украшений, которые носят название серег. Исключив все это, мы приходим к окончательному заключению, что эти люди не есть жители Европы, Африки и Азии.

– А кто же они? – спросили солдаты.

– Это – не кто иные, как жители с того света.

– Как с того света? – воскликнули в один голос суеверные солдаты.

– Да, с того света: из страны, открытой великим Христофором Колумбом и принадлежащей королю испанскому.

– Так это, стало быть, – индейцы?

– Они самые, – авторитетным голосом сказал Гонориус Одоратус. – Очень может быть, что они прибыли в наш город, чтобы показывать себя на площадях за плату.

² За рубежом и в прежнее время было принято так называть всех ученых.

IV

В это время странные путешественники подошли к самым воротам города. Уставший подъячий тяжело отдувался и вытирал рукавом кафтана струившийся ручьем по лицу крупный пот. Яглин тоже порядочно устал и с удовольствием думал о том, что здесь, в Байоне, наконец можно будет передохнуть.

– Ну, слава Тебе, Господи, наконец-то дошли!.. – сказал подъячий. – А назад – как ты хочешь, Романушка, а на своих ногах я не пойду. Так ты и знай! Хоть на ослах, а поеду. Подыхать мне на басурманской стороне вовсе неохота.

– Ладно, ладно, Прокофьич! – усмехнулся Яглин. – Как-нибудь уладим дело. А теперь вот надо поручение исполнить: до градоначальника дойти.

– Валяй уж ты. Ты как ни на есть, а по-ихнему научился лопотать.

Действительно, в течение долгого времени пребывания русского посольства в Испании Яглин довольно бойко научился говорить по-испански, так что расчетливый русский посланник был очень доволен, что пришлось уволить переводчика, с которым Яглин объяснялся поллатыни, чему он научился от немцев в Немецкой слободе, в Москве.

В это время часовой преградил им дорогу мушкетом и грубо спросил на местном наречии, сложившемся из смеси французского, испанского, баскского и гасконского языков:

– Что за люди? И куда вы идете?

– Нам нужно видеть градоначальника этого города, – кланяясь солдатам, ответил Яглин. – Посланы мы чрезвычайными посланниками царя всея Руси Петром Потемкиным и его советником, Семеном Румянцевым, которые прибыли к могущественному королю Франции с предложением братской любви и согласия. Так как наш путь из города Ируна, где теперь находятся посланники, лежит через этот город, то надлежит нам увидаться с градоначальником и просить его помощи и содействия к дальнейшему нашему пути в славный стольный город ваш.

Яглин сказал это на испанском языке, хотя, конечно, не без ошибок.

– Вот тебе и индейцы! – проворчал про себя Баптист. – А впрочем, Россия... Россия... Кто ее знает, где она? Может быть, тоже в Америке.

Но Гонориус Одоратус сразу понял свою ошибку, что эти люди – вовсе не индейцы, как он предполагал, а выходцы из далекой страны Московии, о которой, впрочем, мало было известно, за исключением того, что она находится чуть ли не на краю света и населена свирепыми и кровожадными народами, как-то: московиты, татары, казаки. Господствует над этими народами властитель, которого зовут великим князем Московии, вместе с высшим духовным лицом, называемым московитским папой, или патриархом. Еще известно, что из этой страны приходят на Запад драгоценные меха, получаемые из далекой московитской провинции, называемой Сибирью, населенной еще более кровожадными народами, название которых в точности не известно.

Ученый с любопытством посмотрел на московитов, подивился на их костюмы, внимательно поглядел на лица и подумал про себя: «Люди как люди. И ничего особенного в этих московитах нет. Больше сказок, оказывается, про этот народ говорят».

Затем, приняв на себя важный вид, он произнес:

– А на какой предмет отправлено ваше посольство к нашему христианнейшему государю – да хранит его Бог на многие лета?

При этом он приподнял над головой свою маленькую шапочку.

– А об этом мы ничего не знаем, – ответил Яглин. – Про то ведают наши посланники, так как им поручено все это объявить. Мы же – только слуги их.

Гонориус Одоратус еще раз посмотрел на московитов. Он не знал, как обращаться с этими двумя людьми. Кто их разберет, этих диких людей: не то просто прислуга, не то важ-

ные лица в посольстве, особенно этот вот толстый и рыжий. Если принять за больших людей да обойтись с ними как следует, самому после неловко будет. А если обойдешься как с челядью, а они окажутся важными лицами, то могут обидеться, а после и от губернатора попадет: облеченный чуть ли не королевской властью, маркиз шутить не любит и как раз поколотит собственноручно.

Между тем около этой группы начали собираться любопытные. Необычные костюмы двух чужестранцев привлекли внимание гуляющих, и они стали подходить к заставе. В простом народе двое москвитов возбудили еще более толков – и никто в толпе не знал наверняка, что это за люди. Кто-то решил, что это – варварийцы.

– А что это за народ такой? – спросила какая-то горожанка, державшая на руках небольшого мальчугана.

– Варварийцы? – переспросил решивший это, который, в бытность солдатом, плавал на галерах по Средиземному морю. – А это тот самый народ, который разбойничает по морям и христиан в плен забирает, а потом отвозит их по разным магометанским землям и продает в рабство.

– Так это, значит, они моего мужа забрали в плен или убили? – с испугом сказала горожанка.

– А твой муж кто был? – спросил солдат, поглядывая на толстую, краснощекую женщину.

– Да мы с моря, – ответила она. – Мой муж был там рыбаком. А когда он пропал без вести, то я переехала сюда, к сестре. Так эти язычники по морю разбойничают?

– Эти самые, – убежденно сказал солдат. – Самое разбойничье племя!..

В толпе все слышали этот разговор и со страхом и удивлением смотрели на мнимых варварийцев.

Тем временем Гонориус Одоратус обратился к русским:

– Если вы хотите видеть губернатора, маркиза де Сэн-Пэ, то я, как ближний советник его, могу провести вас к нему.

– Чего лопочет там эта важная рожа? – тихо спросил Яглина подьячий.

Но молодой человек ответил на этот вопрос товарища нетерпеливым движением плеча.

Между тем горожанка успела рассказать всей толпе, что ее мужа будто бы пленили эти самые варварские разбойники, и бывший солдат авторитетно подтверждал, что действительно, эти люди и суть варварийцы.

– И лица-то у них самые разбойничьи, – заявил он, указывая кулаком на москвичей. – Особенно вон этот рыжий!

– Зачем они здесь, язычники? – раздалась в толпе отдельные голоса.

– Приехали предлагать выкупить находящихся у них в плену христиан, – сразу выдумал бывший солдат.

– Убить их надо за это! – вдруг выкрикнула со злостью женщина. – Чтобы они не мучили христианского люда!

Толпа сначала опешила было от этого, но, будучи в достаточной степени возбуждена рассказами бывшего солдата о жестокостях варварийских пиратов, подхватила:

– Убить!.. Убить!..

В москвитов вдруг полетели камни, комки сухой грязи и палки.

Русские, а вместе с ними достопочтенный Гонориус Одоратус и солдаты опешили от такого неожиданного нападения. Испуганный подьячий со страха схватился за длинное платье доктора и, присев на корточки, стал кричать, точно его резали.

Яглин не знал, что тут происходит, но, видя пред собою враждебные лица и не имея с собою никакого оружия, засучил рукава и стал ждать нападения.

В это время невдалеке послышался лошадиный топот, и из ближайшего проулка выехали рысью молодой человек в голубом кафтане, с длинной шпагой у бедра, висевшей на широкой

перевязи, и в широкой шляпе с длинным пушистым пером и молодая смуглая дама. При виде происходящей пред ними сцены они остановились посмотреть, что тут делается. Затем молодой человек воскликнул:

– Клянусь архангелом Михаилом, да это – Гонориус Одоратус! Дядя будет доволен, если я освобожу его из рук этих негодяев!

Ударив каблуками в бока лошади, он поскакал на толпу. Спутница его, громко рассмеявшись, хлестнула свою лошадь и последовала за ним. Две лошади врезались в толпу – и последняя кинулась в разные стороны. Молодые люди, бывшие на лошадях, с хохотом бросились преследовать бегущих, и через несколько минут небольшая площадь перед заставой была пуста.

– Молодец наш офицер! – в восхищении воскликнул Баптист. – Хорошо отделал он этих негодяев! Да замолчишь ли ты, толстая собака? – прикрикнул он на подьячего, все еще голосившего во всю глотку.

Последний замолчал, открыл глаза и с удивлением стал смотреть кругом.

– Кто это? – спросил Яглин Баптиста, указывая на возвращавшегося шагом молодого человека, разогнавшего толпу.

– Наш офицер, – ответил тот, – племянник губернатора.

Когда офицер подъехал, Яглин мог рассмотреть красивое лицо с дерзко закрученными вверх, по тогдашней моде, усами и с такими же дерзкими глазами. Его спутница ничем не удивила Яглина.

«Гишпанка!» – сразу решил он, в долгое время пребывания посольства в Гишпании присмотревшийся к дочерям юга.

У нее были смуглая кожа, черные, вьющиеся, с синеватым отливом волосы, большие живые черные глаза, небольшие уши, шаловливо выглядывавшие из-под серой, с красным пером шляпы, и раздувавшиеся от скорой езды и волнения ноздри. Она вместе со своим спутником подъехала к этой кучке.

– Что тут такое было, философ? – спросил офицер любимого советника своего дяди. – Бить, что ли, вас хотела эта сволочь?

– Да почти что так, шевалье, – ответил Гонориус Одоратус. – Почему-то им вздумалось, что вот эти люди, – указал он на московитов, – варварские разбойники, и чуть не разорвали нас. Если бы не вы с мадемуазель Элеонорой, так нам пришлось бы плохо.

– Варварийские разбойники? Эти люди? – воскликнул офицер, указывая хлыстом на обоих русских. – Но кто же они такие? Клянусь святым Денисом, я никогда не видал такой странной одежды!

– Ничего в этом нет удивительного, шевалье, так как скорее можно рассчитывать увидеть здесь Великого Могола, чем московитов, – ответил Гонориус Одоратус.

– Московиты? Так вот они какие!

– А где же у них собачьи головы? – с наивным удивлением спросила всадница.

– Смею сказать, прекрасная госпожа, – улыбнувшись, сказал Яглин, снимая мурмолку и делая поклон всаднице, – что мы – такие же люди, как и прочие, и исповедуем того же Бога и Христа, как и другие христиане в Европе.

На лице всадницы изобразилось некоторое разочарование.

– А мне говорили, что у московитов собачьи головы, – недовольно произнесла она, но, еще раз взглянув на Яглина, решила про себя: «А этот московит все-таки... довольно красив».

– Зачем же они здесь? – продолжал спрашивать офицер.

– Они – послы великого князя московитов, – ответил Гонориус Одоратус. – Едут из Испании к нашему милостивейшему королю. В настоящее же время им нужно видеть вашего дядюшку, маркиза Сен-Пе.

– Э, если дело только за этим, то я провожу их, – сказал офицер.

– Мы за это всегда останемся благодарными вашей чести, – произнес Яглин. – Время позднее, и мы желали бы засветло вернуться к нашим посланникам в Ирун.

– В таком случае идемте, – сказал офицер и легонько тронул хлыстом свою лошадь.

Небольшая группа из обоих русских, офицера с его дамой, Гонориуса Одоратуса и Баптиста, сопровождаемая любопытными взглядами гуляющих горожан, с удивлением смотревших на никогда не виданные костюмы этих людей, двинулась по узеньким улицам города.

Впрочем, Яглина и подьячего это любопытство нисколько не удивляло, так как везде за рубежом на них смотрели как на невиданных, диковинных зверей.

V

Еще в начале XVI века далекая, замкнутая в самой себе Россия впервые задумала войти в сношения с Францией с целью искать ее союза, дружбы и защиты. Этот шаг был сделан царем Василием Ивановичем по совету курфюрста Бранденбургского, с которым царь тогда вступил в союз против Речи Посполитой. В своем письме от 16 апреля 1518 года, переданном через бранденбургского курфюрста, царь сообщил французскому королю о том, что заключил с Альбрехтом, курфюрстом Бранденбургским, союз против Польши и что оба союзника надеются на помощь короля Франции в случае нападения на них со стороны Польши. В марте 1519 года царь снова отправил письмо, по просьбе того же Альбрехта Бранденбургского, с тою же просьбою о защите против Польши.

Неизвестно, дал ли какой-либо ответ на это французский король, так как в русских архивах не имеется никаких данных относительно этого. По всей вероятности, французский король даже не удостоил ответом русского царя, о царстве которого едва ли он имел точные сведения.

Тем не менее в этом же столетии бывали случаи, что некоторые французские купцы и искатели приключений проникали в далекую Московию, сбывая свои товары и скупая тамошнее сырье или же попросту ища счастья.

Затем, в 1607 году, вышла книга о Российском государстве, о нравах, царящих здесь, принадлежащая перу известного авантюриста капитана Маржере (или Маржерета, как пишут это имя русские источники), служившего в войсках московского царя; в этой книге он описывает Московию как «весьма большое, могущественное, населенное и богатое государство».

Но еще раньше этих авантюристов французское правительство само завязало сношения с Московией. Так, первым русским послом в Москве со стороны Франции был Франсуа де Карл, бывший там в 1586 году. Появление его в Москве было вызвано тем обстоятельством, что в октябре 1586 года царь Феодор Иоаннович написал французскому королю Генриху IV письмо, где извещал его о своем вступлении на престол и высказывал желание поддерживать дружеские торговые отношения с Францией. Следствием этого явился коммерческий трактат между царем и парижскими торговцами. Далее известно, что Генрих IV в 1595 году написал царю Феодору Иоанновичу три письма, где просил об отпуске в отечество доктора Поля и о разрешении нидерландскому купцу Мишелю Мужерону свободно торговать в России.

Точные сведения о первом со стороны Москвы посольстве во Францию относятся к маю 1615 года. Его отправил царь Михаил Феодорович. Этому посольству, во главе которого находился Иван Гаврилович Кондырев, было поручено известить французского короля об избрании Михаила Феодоровича на московский престол и вручить королю грамоту, в которой царь пространнейше жаловался на поляков и шведов, причинивших купно со Лжедмитрием Отрепьевым сильное всему Российскому государству разорение, с предложением взаимной братской дружбы и любви.

Но французы все-таки еще не желали знать какую-то дикую Московию и отнеслись к этому посольству довольно пренебрежительно.

Король Людовик XIII принял русское посольство в декабре 1615 года в Бордо, где находился в это время по случаю военных действий. Но так как он спешил уехать, то наскоро приказал написать ответное письмо царю. И здесь-то вот впервые западные европейцы столкнулись с тем, что русские люди того времени называли «держатъ имя великого государя честно и грозно».

– Не могу взять такое письмо, – сказал Кондырев, едва прочитав врученное ему послание. – Тут не проставлено царское имя. А без того нам взять нельзя никак. За это с нас большой спрос будет.

Когда французы поняли, в чем дело, то стали говорить, что и так может сойти, потому что король спешит уехать и нельзя беспокоить его лишней раз.

– Это – ваше дело, – ответил Кондырев. – Если король ваш уедет, то и мы за ним туда же отправимся, а без царского имени домой не поедем. Не захочет подписать, то и без письма уедем. Так и великому государю нашему скажем. И тогда в ответе не будем. А без царского имени с нас спрос будет. Перепишите – тогда возьмем.

Французским министрам того времени ничего не стоило рассыпаться в любезностях, почему они особенно и не настаивали на том, чтобы русские взяли то письмо, которое уже было написано, и согласились переписать его.

На следующий день Кондырев получил новое письмо, и когда прочитал его, то все его широкое московское лицо расплылось в улыбке: до того был приятен русскому человеку тот титул, которым французы величали русского царя. В письме стояло:

«Высокий и могущественный князь Михаил Феодорович, наш дражайший брат и друг, император русских».

Людовик XIII в этом письме не только обещал возобновить с московским государством прежний союз, но, кроме того, запретить своим подданным служить в польской и шведской армиях против русского царя.

Таким образом, Кондырев успешно выполнил свою миссию, а своим решительным шагом пробудил во Франции интерес к почти неведомому на Западе царству.

К этому еще присоединилась просьба французских купцов. Последние доказывали, что вести торговлю с Россией для Франции очень выгодно, но что серьезные препятствия в этом деле ставят им хозяева Балтийского моря – датчане и шведы, для которых было выгодно и монополизировать в своих руках торговлю с Россией, и служить посредником между последней и западными государствами.

Ввиду этого Людовик XIII решил послать в Россию посольство во главе с чрезвычайным полномочным послом Деге де Курмененом для заключения торгового договора и союза.

Но французы забыли, что едут в полуварварское государство, где понятие о благе государственном и общественном очень часто смешивается с благом личным и где если не все, то очень многое держалось на подарках и подкупах.

Это положение сказалось тотчас же по прибытии посольства в Москву. Обиженные бояре не могли простить послу, что он не давал им ничего, и всячески тормозили дело как аудиенции у царя, так и скорейшего окончания того поручения, с которым приехало посольство.

К этому присоединился еще вопрос о чинопочитании и титуловании. Хотя ловкий француз и уладил скоро этот вопрос, но все же посольство не имело никаких результатов, так как Франция предъявила условия союза, совершенно неподходящие к понятиям русских того времени.

Тем не менее во французской исторической литературе укрепилось и держится и в настоящее время то мнение, что в 1629 году между Россией и Францией был заключен первый торговый трактат. Начало сближения между этими государствами было положено – и Франция заметила существование варварского, но могущественного государства.

Затем официальные сношения между этими двумя державами прервались на двадцать с лишком лет, вплоть до 1653 года. Однако в это время из Франции и России являлись неофициальные лица. Так, в 1631 году в Москву прибыл капитан Бонфоа с письмом от Людовика XIII за разрешением купить в России хлеба. Из России был отправлен, так же неофициально, переводчик Иван Англер, посланный, однако, не в одну Францию, но и в Голландию, и в Англию с извещением о заключении мира между Россией и Польшей.

Со вступлением на престол царя Алексея Михайловича сношения, имевшие случайный характер, приняли совершенно другой вид.

Так, в 1653 году царь отправил во Францию Константина Герасимовича Мачехина, в сопровождении толмача Болдвинова и подьячего Богданова, с уведомлением о начатии войны русского царя с польским королем Яном Казимиром. Прямою целью этого посольства была просьба о помощи Франции в начавшейся войне с Польшей.

Русским, прибывшим в Париж только 24 октября 1654 года, чрезвычайно понравился, после строгой, постной, пропитанной запахом деревянного масла и ладана Москвы, веселый, разгульный и бесшабашный Париж с его шумной уличной жизнью, весельем, легким вином, с веселыми, красивыми женщинами, не прятавшимися от чужих взоров по теремам, а напрашивавшимися на взгляды мужчин и постоянно улыбававшимися им на улицах. Русские были так очарованы этим веселым и привлекательным омутом, что и не думали было скоро уезжать из него, хотя король очень скоро дал им аудиенцию, так как поведение «русских варваров» даже французам показалось зазорным.

Но и здесь случилось почти то же, что и с Кондыревым. 17 ноября 1654 года Мачехин был принят на прощальной аудиенции королем. На ней ему хотели было вручить письмо короля к царю через секретаря.

– Не могу я то сделать, – объявил Мачехин. – Пусть король сам даст свое письмо великому государю своими руками. Иначе если я возьму его от подначальных лиц, то государь велит меня казнить.

Придворные заупрямились было, но сам король согласился и 29 ноября 1654 года лично вручил письмо посланникам. Однако он наотрез отказался осуждать поведение польского короля, не одобрял царя за вступление в войну и даже не именовал более царя императором.

Но почти через два года французам самим пришлось отправить в Москву свое посольство.

В 1656 году, во время войны Москвы со Швецией, русские войска вторглись в шведские прибалтийские провинции. В войне этой в союз против шведского короля Карла X вступили Россия, Польша, Пруссия и Дания. «Восточный барьер» Людовика XIV вследствие такой комбинации рушился, что было вне политических расчетов короля. Поэтому он желал более скорого окончания этой войны и, намереваясь склонить к этому московского царя, отправил к нему блестящее посольство во главе с кавалером Деминьером. Шестого июля 1657 года король известил царя о прибытии своего посла.

После долгих мытарств и чуть ли не ареста в Юрьеве (Дерпте), воевода которого не хотел пускать посла в Москву и даже заявил: «Нашему великому государю нет никакой нужды до вашего фряжского короля, и услуг ему, государю, не надобно: у нашего государя достаточно войска, чтобы без чужой услуги покончить дела с тем, кто его высокой воле не хочет покориться», Деминьер все же прибыл в Москву, где был принят Алексеем Михайловичем, которому и вручил грамоту короля.

Однако это посольство французов не имело никакого успеха, так как Алексей Михайлович обошелся без посредства Франции и заключил мирные трактаты в 1661 году со Швецией в Кардесе и с Польшей в Андрусове.

Так начались дипломатические сношения России с Францией, за два с лишним столетия до настоящего времени. В продолжение этого времени эти сношения все более регулировались, а порой совершенно прерывались, и оба государства даже дважды воевали друг с другом. Но все это не мешало питать им друг к другу уважение, что наконец в конце прошлого столетия завершилось объявлением всему миру открытого союза между ними.

VI

– А что, эти люди понимают наш язык? – спросил по дороге молодой офицер Гонориуса Одоратуса.

– Вот этот молодой немного понимает, – ответил тот, указывая на Яглина, который в это время не спускал взоров с ехавшей впереди «гишпанки» и невольно любовался красивой посадкой амазонки.

«Изрядная девка – эта гишпанка, – подумал он про себя. – Куда нашим московским репам до заморских баб и девок!»

Офицер заметил этот восхищенный взгляд молодого человека, и невольная досада шевельнулась в его сердце.

«Что этот варвар так смотрит на Элеонору? – недовольно подумал он. – Эти восточные люди, что турки, похотливы».

Осадив коня, он подождал, пока Яглин поравняется с ним, и вежливо спросил:

– Вы понимаете наш язык?

Яглин ответил, что понимает.

– Это хорошо. Стало быть, мы можем разговаривать с вами. Хотите, мы будем друзьями? – И офицер протянул молодому русскому руку в длинной перчатке.

«Что это он со своей дружбой напрашивается ко мне?» – подумал Яглин, который, будучи долгое время в посольстве, научился той истине, что за рубежом нужно быть осторожным, чтобы не попасть как-нибудь впросак, но, взглянув в открытое и показавшееся ему честным лицо молодого офицера, отогнал возникшие было сомнения и, подавая ему свою руку, сказал:

– Хорошо. Будем друзьями.

Они пожали друг другу руки.

– Мое имя – Гастон де Вигонь, – сказал после этого офицер.

Яглин сказал свое. Офицер пробовал было повторить его, но никак не мог.

Элеонора оглянулась на них и весело рассмеялась, глядя на Гастона де Вигоня.

– А я выговорю имя иностранца: Роман Яглин, – сказала она и звонко расхохоталась.

Яглин, глядя на нее, тоже рассмеялся.

– Будем и мы друзьями, – сказала Элеонора и протянула свою руку молодому русскому.

– За великую почту честь, – ответил тот и, пожав поданную ему маленькую, изящную ручку, не спешил скоро выпустить ее.

Гастон, увидав это, нахмурился и отвернулся.

В это время они дошли до губернаторского дома. Элеонора круто остановила свою лошадь и тихо сказала своему спутнику:

– Теперь я еду. О н может опять увидеть нас.

– Мы сегодня увидимся? – наклонившись к самому ее уху, спросил де Вигонь.

– Нет, на сегодня довольно, – ответила она. – Приходите, если хотите, завтра.

Элеонора пожалала офицеру руку, кивнула Яглину и повернула лошадь в одну из боковых улиц.

Роман невольно посмотрел ей вслед, любуясь ее стройной фигурой и красивой посадкой. Однако Гастон де Вигонь поймал этот почти восторженный взгляд молодого «варвара» и опять недовольно нахмурился.

– Ну, Романушка, и девка же! – раздался около Яглина голос подьячего. – Вот дьяволица-то, прости, Господи, мое согрешение! Коли на грех идти да с такой еретичкой связаться, так всех наших московских девок и баб забудешь.

– Это ты верно сказал, что забудешь, – о чем-то задумываясь, ответил Яглин.

И в его уме невольно мелькнуло широкое лицо полной, дебелой и некрасивой Настасьи Потемкиной, дочери стольника Петра Ивановича Потемкина, стоявшего во главе этого посольства. Пред самым отъездом их только что помолвили, и Петр Иванович особенно хлопотал о том, чтобы взять будущего зятя в посольство, опираясь на то, что Роман, бегая часто в Немецкую слободу, научился там «языкам разным, без чего за рубежом мы просто пропасть должны», – как говорил он, хотя Роман Яглин выучился там только немецкому и латинскому языкам.

Правда, Настасья была хороша по-своему, в московском вкусе: была румяна, полна, но и только. Однако на ее полном, вечно заспанном лице нельзя было прочесть ничего; оно как бы закаменело в своем выражении. Движения тоже у нее были как бы рассчитанные, слова – ранее заученные, точно она боялась сказать что-либо лишнее или лишний шаг сделать.

«Кукла! Как есть кукла!» – решил про себя Яглин, вспомнив про свою невесту.

Но в это время они дошли до губернаторского дома. Гастон де Вигонь, соскакивая с лошади, сказал: «Я сейчас пойду и расскажу про все дяде» – и скрылся в крыльце высокого дома.

– Ух, упарился! – произнес подьячий, садясь на камень около дома. – И пекло же, прости, Господи! Кваску бы теперь хорошего... с ледком... Да похолоднее.

– А может, вина, Прокофьич, хочешь? – смеясь, сказал Яглин.

– Что же, и от винца не отказался бы.

Яглин обратился к Баптисту и спросил, нельзя ли достать где-нибудь вина.

– О, сколько хотите! – воскликнул солдат. – Здесь неподалеку есть хороший кабачок. Там доброе винцо есть.

Яглин полез в нижний карман кафтана, вытащил оттуда большой кошель из тонкой кожи, в котором находилось немного денег, и, вынув оттуда несколько монет, подал их Баптисту.

– Сейчас и вино пить будете, – сказал тот подьячему, подмигивая ему правым глазом и ударяя рукой по его толстому животу, отчего тот даже вскрикнул.

В это время из дома вышел Гонориус Одоратус и сказал русским:

– Идемте! Губернатор вас ждет.

Яглин и подьячий вошли в дом и очутились в большой комнате с гербами. Навстречу им шел высокий старик с седыми усами и такой же узкой, длинной бородой, с длинным, сухощавым, галльского типа лицом. Это был губернатор Байоны, маркиз Сен-Пе.

Яглин и подьячий, по московскому обычаю, низко поклонились, коснувшись концами пальцев пола. Губернатор некоторое время со вниманием смотрел на этих людей, одетых в никогда не виданную им одежду. Стоявший около него Гонориус Одоратус вполголоса объяснял ему, что эти люди прибыли из земли московитов и едут теперь с посольством в Париж к королю.

– Они умеют говорить на нашем языке? – спросил губернатор.

– Вот этот, помоложе, хотя и плохо, но все-таки может объясниться, – ответил Гонориус.

Губернатор подошел к русским поближе и, отвечая на их поклон, спросил, чего им от него нужно.

– Посланы мы, государь мой, – ответил Яглин, – послом великого государя московского, Петром Потемкиным, и советником его, Семеном Румянцевым, к твоей милости. Послы наши едут к могущественному государю фряжскому с предложением братской любви и согласия и находятся теперь в Ируне, на самой границе. И просят послы наши твою милость, господин славный, чтобы ты принял нас, дал помещение, кормил и переправил в Париж за счет короля, как то делали с нами везде в разных государствах, где мы бывали.

Губернатор внимательно выслушал Яглина, некоторое время помолчал, наконец, изобразив на лице самую любезную улыбку, сказал:

– Приветствую послов великого государя московитов со вступлением на землю нашего милостивого короля! Я счастлив тем, что могу первый выразить это, и этот день навсегда останется в моей памяти самым лучшим днем моей жизни.

«Ну, слава богу, – подумал про себя Яглин. – Кажется, наше дело в ход пошло. Петр Иванович будет доволен».

Но его радость была преждевременна, так как, окончив рассыпаться в любезностях, маркиз сказал:

– Но, к моему глубокому сожалению, относительно этого мне не дано никаких приказаний. Однако я напишу сегодня же и попрошу совета у моего начальника, маршала Грамона, – как он распорядится относительно этого.

– Но это потребует много времени? – спросил Яглин.

– Четыре или пять недель, – ответил губернатор.

Яглин задумался и затем сообщил подьячему, что сказал губернатор.

– Четыре или пять недель? – воскликнул Неелов. – Да на что же мы это время жить-то будем? Ты ведь сам знаешь, Романушка, с какими деньгами нас из Москвы-то за рубеж отпустили? Да и в Гишпании-то этой мы на кошт ихнего короля все жили. Скажи ты этому сычу длиннолицему, что мы одиннадцать лет тому назад, когда король их посольство к нам снарядил насчет мира с поляками да шведами, послов его и кормили и поили. А тут на-кось-поди! Скажи ему, что ждать, пожалуй, мы будем, а пусть он кормы и деньги свои на нас выдает.

Яглин обратился к губернатору и сказал, что русское посольство в настоящее время нуждается в средствах, почему не может ли градоначальник ссудить его деньгами и лошадьми для переезда через границу.

– К сожалению, я не могу дать вам ни одного экю³ и ни одной лошади, так как приказаний относительно вашего посольства я не имею, – опять-таки любезно, но твердо ответил губернатор.

Яглин перевел это подьячему.

– Да что это за бесова страна? – рассердился тот. – Их послов мы от самого рубежа с почтением всяким и береженьем везем, всю дорогу кормим, а в Москве зачастую им великий государь кушанья со своего стола жалует, а они ничего не хотят для нас сделать. Да что мы – воры, что ли, какие? Скажи ему, что не Гришки Отрепьевы мы.

Яглин объяснил рассердившемуся подьячему, что будет напрасным трудом передавать это градоправителю, так как тот все равно не знает, кто такой этот Гришка Отрепьев, а затем обратился к губернатору:

– Как же нам быть? В Ируне нам никак оставаться невозможно, так как дел в Гишпании у нас никаких нет.

– Тогда вам лучше всего переехать в наш город. Здесь вы можете найти очень недорого хорошие квартиры и жить, пока от маршала Грамона не придет распоряжение относительно вас.

– Делать, видно, нечего, Прокофьич, – сказал подьячему Яглин. – У этого ничего не выторгуешь, о Крещение снега не выпросишь, видно. С этим и идти назад к Петру Ивановичу.

– Да с чем придем-то, Романушка? С пустыми руками? Да он нас батогами забьет! – жалобным голосом произнес подьячий.

– Ну, авось не забьет: здесь не Москва, – сказал Яглин. – А только больше ничего у градоправителя мы не выпросим.

– Да уж коли так, то делать нечего – пойдем, – со вздохом согласился подьячий.

Русские по-прежнему до земли поклонились губернатору и вышли на улицу.

³ Э к ю – французская золотая монета достоинством около 2 рублей.

– Ну а теперь не мешало бы и закусить, – сказал подьячий. – Ведь с самого утра маковой росинки во рту не было.

Яглин согласился с ним, что действительно закусить не мешало бы, но он не знал, как это сделать.

Около губернаторского дома все еще толпились любопытные, сопровождавшие давеча русских. Яглин хотел было обратиться к кому-нибудь с вопросом об интересовавшем в настоящую минуту их обоих предмете. Но в это время около них очутился Баптист с кувшином вина. Яглин обрадовался этому и стал спрашивать солдата.

– О, это можно великолепно устроить! – ответил Баптист. – Здесь неподалеку есть отличный кабачок. Я вас сведу туда. Там хорошо и накормят и напоят.

Жажда адски томила подьячего, и он, забрав в свои руки кувшин, хотел было приложиться к нему, однако его уговорил не делать этого Яглин.

– Здесь ведь не кружало царское, – сказал он. – Да и что скажут в Посольском приказе, если узнают, что за рубежом мы на улицах пьянствуем.

Баптист увел русских в какой-то кабачок, и здесь подьячий отвел свою душу на фряжском вине, так что только под вечер Яглин уговорил его идти из Байоны, и то только угрозой, что он все расскажет Петру Ивановичу Потемкину. Что же касается Баптиста, то он был в восторге от подьячего, не отставал от него в опоражнивании кружек и проводил их на большое расстояние из города.

VII

Стольник Петр Иванович Потемкин, чрезвычайный посол царя Алексея Михайловича, в нетерпении ходил по комнатам того дома, который он занимал в Ируне.

Это был средних лет мужчина, толстый, с большой бородой и умным выражением лица. Одет он был в легкое шелковое полукафтаны, такие же шаровары и теплые бархатные сапоги. Он только что разобрался с посольскими бумагами, над чем работал вместе со своим советником, дьяком Семеном Румянцевым, сидевшим здесь же за столом и что-то выводившим гусиным пером на длинной полоске бумаги.

Восковая свеча скудно освещала всю бедно обставленную комнату, вдоль стен которой стояли сундуки и коробки, наполненные как собственным имуществом посланников, так и подарками московского царя иностранным государям и начальным людям, которых посланник находил нужным одаривать.

Московский царь, в сущности, был в то время таким же хозяином в своем государстве, как любой помещик в своей вотчине, и отличался тою же бережливостью, как и многие из них. Поэтому когда отправлялся в чужие земли посланник и ему выдавались по описи различные подарки, состоявшие в большинстве случаев из мехов, то в Посольском приказе ему читался целый наказ относительно этого.

– А подарок тебе давать только государям, женам их и детям. А начальным людям подарков не давать. А ежели которые просить будут, то тем говорить, что об этом-де нам от великого государя наказа не было. А ежели которые будут какие помехи для дела делать и утеснения, и отсрочки, и обиды, то тем давать, но немного, а начинать с худых вещей, с мехов ли попорченных или вещей каких поломанных.

Каждый такой подарок посланник обязан был вносить в список с обозначением цели, для чего он делался.

– Пиши, Семен, – диктовал Потемкин. – Дуке Севильскому дадено при отъезде мех черно-бурой лисицы, попорченный в пяти местах, каждое место в деньгу, а на хвосте волосья повылезли. Да еще дадена ему мерка малая жемчуга. Не забудь написать: «худого», Семен.

– Написал, – ответил Румянцев, худой, высокий человек с постным, худощавым лицом и длинной узкой бородой.

– Да еще, бишь, кому там чего дадено? – сказал Потемкин, чеша себя рукой в густой бороде.

– Дали мы тогда еще тем двум боярам ихним... как, бишь, их? да, грандам... по куску алого бархата на камзолы...

– Да, пришлось дать собакам в зубы... – произнес Потемкин. – Бархат-то больно хорош был: на царские опашни такой идет. А тут – на-поди – им пришлось дать! Делать нечего: похуже не было. Все, что ли, там?

– Кажись, что все, – ответил Румянцев, просматривая запись.

– Смотри, Семен, вернее заноси: в приказе с нас все строго спросят. – Потемкин перестал ходить по комнате и сел в кресло у отворенного окна, в которое смотрела на него роскошная южная природа. – Ну, ладно, Семен, – сказал он. – Будет на сегодня. Складывай свою письменность. Чего сегодня не вспомнили, завтра авось придет на память.

Дьяк молча стал свертывать свитки и укладывать письменные принадлежности.

– Охо-хо! – вздохнул Потемкин. – Когда-то мы, Семен, в Москву-то приедем?

– Аль соскучился, Иванович? – спросил Румянцев, вкладывая свитки в полотняные чехлы и затем укладывая их в коробья.

– А ты разве нет?

– Нет, и я соскучился дюже. Там ведь у меня семья.

– И жена молодая, – сказал, засмеявшись, Потемкин. – Эх ты, старый греховодник! И надо было тебе пред самым отъездом жениться.

– Не добро быть человеку единому. Так и в Писании сказано.

– А теперь нешто ты не один? Поди, тоже на здешних девок гишпанских заглядываешься?

– Ну, вот! – недовольным тоном ответил Румянцев. – Нешто я – Прокофьич? Это он такими делами занимается.

– Знаю, знаю – и к вину и к девкам подвержен. Ох уж этот мне Прокофьич! Мало ль я его бью, а ему все нейметя. Вот приедем в Москву, я нажалуюсь на него в Посольском приказе, пусть батогов попробует всласть. Вспомнит он тогда фряжское вино да гишпанских девок.

– Ты лучше его бабе нажалуйся. Это вернее будет. Ведьма она у него суцая, а не баба.

– Одначе что же это их так долго нет? Не забрали ли их в полон? Ведь, кажись, война промеж Гишпанией и Фряжской землей покончилась. Чего же ради мы-то здесь семь-то месяцев сидели?

– Должно, дорога-то не близкая... Пешком-то ведь не то что на коне. Может, приморились да где-нибудь и соснули.

– Ну, тут спать-то нечего, – сердито сказал Потемкин. – Это – царское дело, не свое.

В это время в комнату вошел молодой человек лет двадцати, одетый в шелковую цветную рубаху и такие же шаровары. Это был сын Потемкина – Игнатий.

– Что, Игнаш, скажешь? – спросил, поворачиваясь к нему, посол.

– Роман Яглин с подъячим Прокофьичем пришли, батюшка.

– А, пришли-таки наконец? – обрадовался Потемкин. – Ну, ну... добро. Зови их сюда!

Игнатий вышел, и через некоторое время в комнату вошли усталые Яглин и подъячий. Последний тотчас же и сел на что-то, тяжело отдуваясь.

– Ну что, как, Романушка? – обратился Потемкин к Яглину.

– Да уж и не знаю, как тебе и рассказать, Петр Иванович! – ответил Роман, а затем передал все то, что описано в предыдущих главах, за исключением того, как они заходили в кабачок и как подъячий там напился.

Потемкин слушал его с нахмуренными бровями, недовольный.

– Что же мы теперь будем делать, Семен? – обратился он к дьяку, когда Яглин окончил свой рассказ. – Вишь ты: отказали во всем. На что же мы здесь жить-то будем?

Действительно, оставаться в Ируне посольству было невозможно; приходилось перебираться во Францию. Самый неприятный вопрос был денежный. Потемкин выехал из Москвы почти без средств. Проезжая русскими областями вплоть до Архангельска, они везде пользовались услугами воевод и ни гроша на себя не истратили. В иноземных государствах они рассчитывали прожить за счет иностранных государей. Испанский король давал Потемкину на содержание сто пятьдесят экю в день, и ему удалось в течение семимесячного пребывания в Испании прикупить несколько пистолей⁴. Но их, конечно, не могло хватить надолго.

– Что же делать, Семен? – снова спросил Потемкин своего советника.

– Что делать? Как ни кинь, а все тут выходит клин, помощи от фряжских людей нам ждать нечего, а здесь жить – только проживаться. Одно остается: ехать дальше.

Потемкин видел, что совет Румянцева был благоразумен, но все же он стал глухо раздражаться.

«Ну, быть грозе!» – подумал Яглин и стал гадать теперь, на ком из троих посланник сорвет свое дурное расположение духа.

Взор Потемкина упал на подъячего, а именно на его начавший синеть от усиленной выпивки нос.

⁴ П и с т о л ь – испанская золотая монета.

– Ты это что же, приказная строка? – закричал он на испуганного Неелова, хорошо знавшего, чем грозит гнев сердитого посланника. – Пьян опять? А?

– Я... я... ничего, боярин... – залепетал подьячий. – Так... ничего...

– Ничего? Батогов опять захотел, видно? А? Я тебя угощу! – расвирепел Потемкин и, схватив перепуганного подьячего за козырь его кафтана, выкинул вон из комнаты.

Гнев Потемкина прошел, и он, сев за стол, стал обсуждать с Румянцевым и Яглиным вопрос о переезде через испанско-французскую границу.

Решено было через три-четыре дня покинуть Испанию и выехать в Байону.

VIII

Второго июня 1668 года жители Байоны были очевидцами невиданного зрелища.

Начиная от городских ворот тянулся кортеж из двадцати с лишним человек. Впереди ехали четыре всадника в малиновых кафтанах, в высоких парчовых шапках, отороченных мехом, и в цветных сапогах, держа в руках обитые медью ларцы, в которых находились подарки московского царя французскому королю. За ними ехало шесть других человек, представлявших собою стражу, с обнаженными кривыми саблями в руках. За ними следовали дьяк Семен Румянцев, бережно державший в руках свиток с большой восковой печатью на длинном шелковом шнурке, и подьячий Прокофьич с болтавшей, привязанной на груди чернильницей. После них ехал сам посланник московского государя, в богатом кафтане из дорогой восточной материи с золотыми галунами, на концах которых болтались такие же кисточки, с саблей, вложенной в богатые, с камнями ножны, и в меховой шапке с аграфом из самоцветных камней. Кортеж замыкала толпа слуг, с переводчиком Яглиным во главе, одетых в такие же одежды.

Жители Байоны с любопытством следовали за гостями.

– Азиаты! – решили они, рассматривая необычные костюмы.

Потемкин имел намерение проследовать прежде всего к губернатору. Последний из окна увидал, как посольство направляется по площади к его дому.

– Кажется, эти скифы имеют намерение посетить меня? – сказал маркиз, обращаясь к стоявшему возле него племяннику, Гастону де Вигоню.

– Да, – ответил тот, взглядываясь в лица русских, среди которых без труда узнал Романа Яглина.

– Но я не имею никакого предписания от маршала, – вдруг заволновался маркиз, – и принять их официально не могу. Ступай, пожалуйста, Гастон, и передай им это! Пусть остановятся где-нибудь в гостинице, пока я не получу относительно их какого-либо предписания.

Гастон отошел от окна и, выйдя из дома, направился к подъезжавшим русским.

Потемкин, увидав подходившего офицера, остановил лошадь и стал дожидаться. Гастон передал ему поручение дяди.

Для гордого русского посланника, привыкшего ощущать себя за рубежом как представителя своего великого государя, это было почти оскорблением. Он покраснел и в раздражении задергал правой рукой свою великолепную каштановую бороду.

– Поруха! Поруха! – твердил он про себя. – Поруха на честь и славное имя великого государя. Нигде ничего подобного не было.

Эти чувства разделяли дьяк Семен Румянцев, решивший про себя, что такое дело оставить нельзя и что если от фряжского короля будет когда-нибудь посольство, то и его подвергнут такому же унижению, и подьячий Прокофьич, впрочем больше боявшийся, что рассерженный посланник выместит, по обыкновению, свое сердитое расположение духа на его спине.

Потемкин некоторое время угрюмо молчал, а затем обернулся к Румянцеву и произнес:

– Ты что, Семен, об этом думаешь?

– Великая поруха, государь, на великое царское имя... великая!

– Без тебя знаю, что великая. Ни у одного potentата ничего такого не было с нами... Что же теперь-то: заворачивать, что ли, назад?

– Ничего больше и не остается. Ждать, видно, надо, что они там удумают.

Потемкин обернулся назад и пальцем поманил к себе Яглина. Но тот не скоро двинулся по приказанию посланника.

Дело в том, что он увидел в толпе Элеонору вместе с каким-то низеньким стариком с седыми волосами и густой, волнистой, такого же цвета, бородой, с бронзовым цветом лица и горбатым носом, одетым в черное платье и такую же шапочку. Девушка тоже, видимо, узнала

Яглина и издали улыбнулась ему. Теперь Яглин лучше разглядел ее, чем в первый раз, и невольно залюбовался на высокую красавицу «гишпанку».

– Роман, что ты? Оглох, что ли? – привел его в чувство сердитый оклик посланника.

Яглин ударил каблуками сапог в бока лошади и подскакал к Потемкину.

– Разузнал ты, где нам встать можно? – спросил его последний.

– Разузнал, государь, – ответил Яглин.

– Ну, так поезжай вперед и веди нас.

Яглин поехал вперед, по направлению к тому самому кабачку, где в прошлый раз был вместе с подьячим и Баптистом.

У смотревшего на эту сцену губернатора отлегло от сердца: железная рука «короля-солнца», окончательно наложившая свою тяжесть на феодальные стремления отдельных дворян и правителей целых областей, заставляла опасаться за свою карьеру и даже жизнь, если в Париже будет узнано, что губернатор отступил от тех положений, которые выработала монархическая централизация.

IX

Посольский кортеж, сопровождаемый глазевшей по-прежнему толпой народа, в скором времени остановился у знакомой Яглину гостиницы. Изю всех окон последней высунулись головы любопытных зрителей. Содержатель гостиницы сломя голову сбежал вниз и, униженно кланяясь, почтительно взялся за стремя лошади Потемкина.

– Переговори с ним, – обратился он к Яглину. – Не до него мне...

Потемкину было не до таких мелочей. «Порука великому имени славного государя», – не выходила мысль у него из головы. Помимо того, что ему, как верному подданному, было обидно за своего государя, тут еще примешивались и чисто личные опасения.

Он недаром всю дорогу от губернаторского дома до гостиницы пытливым поглядывал на своего советника, Семена Румянцева. Потемкин был травленный волк; сам он сидел в Посольском приказе и хорошо знал, что советники даются посланникам не столько для советов, сколько для того, чтобы следить за каждым шагом посланника, как в области официальной, так и в его частных делах; чтобы заносить в память каждую ошибку, промах и погрешность посланника и после доложить все это в Посольском приказе. А там уже доки сидят: к каждой ошибке прицепятся и, глядишь, в конце концов не посмотрят, что ты – боярин, и либо на дыбу вздернут или батогами отдерут, а то и голову снимут долой.

«Донесет, вор!.. – думалось Потемкину про Румянцева. – Ишь, и харя-то у него другая стала, у вора».

И пока Яглин переговаривался с трактирщиком, Потемкин не переставал коситься на Семена Румянцева.

Действительно, отношения между Потемкиным и Румянцевым были самые неопределенные.

Потемкин знал, чего ради приставлен к нему Румянцев, и потому постоянно глухо раздражался. Дьяк же сознавал свое привилегированное положение и по возможности пользовался этим, очень часто давая понять посланнику, что, в случае чего, он может сильно повредить ему в Посольском приказе, где ему ничего не стоит оговорить посланника.

Поэтому они нередко ссорились между собою и очень часто даже не обедали за одним столом и не ездили в одной карете. Вследствие этого в Испании у них чуть было не расстроилась аудиенция у короля, и только в последнюю минуту они одумались и поняли, что рисковали своими головами.

Наружу эти недоразумения никогда не выходили – и со стороны можно было думать, что и посланник, и его советник находятся в самых лучших отношениях между собою.

Только слуги, да и то из самых близких, подъячий Неелов, Роман Яглин и оба посольских священника, сопровождавших русское посольство – отец Николай и монах отец Зосима, знали об истинных отношениях обоих представителей московского государя. Но они сора из избы не выносили.

Наконец переговоры с трактирщиком были окончены, и Яглин обратился к Потемкину: – Можно спешиться, государь!

Слуги помогли посланнику слезть с лошади и, поддерживая его под руки, ввели в гостиницу. Трактирщик забежал вперед и растворял все попадавшие на пути двери. Наконец Потемкина довели до самой большой комнаты. Он снял свою высокую шапку и перекрестился истовым крестом.

Его примеру последовали все следовавшие за ним.

Обыкновенно когда посольство прибывало в новое помещение, то служили молебен. Но теперь это сделать было нельзя, так как оба священника, следовавшие позади, вместе с вещами, еще не прибыли.

– Ну, ишь, делать нечего, – сказал Потемкин. – В басурманской стороне и сам скоро, пожалуй, станешь басурманом. В Москве немало грехов придется, видно, отмаливать.

– Посольство пошло с благословения патриарха, – ядовито заметил Румянцев. – Выходит, что все грехи святым отцом напередки усмотрены и отмолены им.

Потемкин только недовольно покосился на своего советника.

– Хозяин спрашивает, – обратился к нему Яглин, – не прикажешь ли что изготовить на завтрак?

– Что ты – рехнулся, что ли, Романушка? Попомни-ка, какие теперь дни? Да не здешние, папешские, а наши, православные?

– Петровки, – сконфуженно произнес Яглин.

– То-то. А сегодня иуния двадцать второго, память священномученика Евсевия, епископа Самосатского, и мученика Галактиона. И день – пятница, когда жиды Христа распяли. Забыл, кажись, ты это, парень? – подозрительно посмотрев на Яглина, сказал посланник. – Смотри, сам не обасурманься здесь с папешцами да люторцами...

Яглин обратился к хозяину гостиницы и сказал, что в этот день на их родине воздерживаются от пищи, а потому завтрак им не нужен.

Хозяин удалился.

Понемногу все разместились в гостинице. Через несколько времени прибыла остальная часть свиты посольства, оба священника и вещи. Отслужен был молебен, и можно было подумать о еде.

Выезжая из Москвы, посланники решили есть на чужбине только свои кушанья, изготовленные православными руками, так как опасались, что, питаясь иноземной пищей, могут опоганиться. Поэтому они захватили с собою поваров, которые и готовили пищу на все посольство, начиная с посланников и до последних слуг.

Когда настал вечер, Потемкин почувствовал голод и приказал своим поварам приготовить обед.

Хозяин гостиницы сначала с удивлением смотрел на невиданные им кухонные принадлежности русских. Но когда повара водворились в кухне и хотели было приняться за стирпню, то он понял, в чем дело, и побежал к Яглину.

Последний насилу мог понять, в чем заключается претензия трактирщика.

– Так нельзя делать, – взволнованно проговорил последний. – Путешественники не могут сами готовить себе обед. Они должны брать у нас. Так все делают. Это нехорошо. Это мне убыток приносит.

– Но мы не привыкли к вашим кушаньям. У нас свои, – попробовал было возражать Яглин.

Однако трактирщик ничего слушать не хотел, и Яглину пришлось идти к Потемкину и сказать ему, что свой обед им готовить не разрешают.

Потемкин предвидел, что это пахнет лишними расходами, и недовольно поморщился.

– Делать нечего, – произнес он. – Пускай, ин, готовит. Покаемся в Москве.

Вскоре подали обед.

Русским он показался жидковатым и очень незначительным по количеству. Вина тоже было мало, о чем сильно сокрушался подьячий. И самого Потемкина, как ни старался он показаться ради соблюдения своего посланнического достоинства стоящим выше такого низменного занятия, как прием пищи, и того этот обед не удовлетворил.

Шумливым французам странным казалось, как ведут себя за обедом русские. Ни шума, ни смеха, ни даже разговоров не было.

– Точно обедню служат, – говорили французы.

Пред началом обеда, а также и после него священниками произносилась длинная молитва, во время которой русские усердно крестили себе лбы.

– Роман, спроси, сколько следует заплатить за обед? – спросил Яглина Потемкин. Тот обратился с этим вопросом к хозяину.

– Пятьдесят экую, – со сладкой улыбкой на лице ответил трактирщик.

Цена была невероятно большая.

– Сколько? – удивленно переспросил Яглин.

Трактирщик повторил цену.

Яглин, зная вспыльчивый характер посланника, не мог придумать, как ему сказать о такой цене.

Потемкин увидел по лицу молодого человека, что тут что-то происходит, и спросил:

– Ну, что же, сколько хочет с нас за свои худые яства этот разбойник?

Яглин сказал.

– Что? – закричал сразу рассердившийся посланник. – Пятьдесят?.. Ах он вор, тать этакий!.. За такую скверну, которой он нас кормил, и пятьдесят золотых? Да что он, на большую дорогу, что ли, вышел? Да я бы его на Москве за такие слова прямо в Разбойный приказ отправил, чтобы там ему показали, как грабить добрых людей...

Дьяк Румянцев стоял в отдалении и с улыбкой смотрел на эту сцену. Он рад был каждому случаю, где посланник попадал в затруднительное положение, так как в этих случаях он всегда отбрасывал в сторону свою гордость и обращался за советом к дьяку.

Так случилось и теперь.

– А? Дьяк?.. – полуобернулся к Румянцеву посланник. – Да ведь этот разбойник нас грабить хочет... чу... За свой обед требует с нас пятьдесят золотых, слышь ты!

– Что же делать, государь?.. – сокрушенно вздыхая, произнес Румянцев. – Видно, мал золотник здесь, да дорог... А не зная броду, не надо было соваться в воду. Да к тому же на Москве нам про все издержки наши ответ держать надо... Что и как – за все с нас спросят в приказе...

Поминание об ответе в Посольском приказе передернуло Потемкина.

«Напрасно только булгу завел, – подумал он про себя. – Кинуть бы в харю этому разбойнику его деньги, да и конец!» – и он, ни слова больше не сказав, вынул из кармана кошель с деньгами, а затем, отсчитав требуемую сумму, кинул ее трактирщику.

– Прикажешь, государь, разбирать рухлядишку? – обратился к нему один из холопов.

– Не надо, – ответил Потемкин. – Завтра уедем из этого разбойничьего логова.

Все разошлись спать.

Х

Яглину не спалось.

Напрасно он ворочался с боку на бок и старался ни о чем не думать, сон бежал от его глаз. Из далекого французского города его думы переносились на Восток, к белокаменной Москве, и еще дальше, на приволье широкой Волги, в страну бывшего татарского Казанского царства.

Вспомнил он ту большую усадьбу на берегу широкой реки, неподалеку от основанного сто лет тому назад царем Иваном Грозным, «на страх нечестивым агарянам-татаровым и на береженье Русской земли», города Свяжска, где он провел свое детство и где с самого покорения этим царем Казани жили дворяне Яглины.

Усадьба дворян Яглиных, пришедших в Казанский край вместе с грозным царем, который подарил им участок земли на другом берегу Волги, была также приспособлена к тому, чтобы в ней можно было «отсидеться» от разных лихих людей. Снаружи она была огорожена бревенчатым забором, вдоль которого тянулся широкий и глубокий ров. Посреди этого укрепления было разбросано множество жилых помещений, повалуш, амбаров, горниц, изб, сенников. Позади этих зданий были скотные и причные дворы, поварни, медоварни, хлебопекарни и пивоварни. А за всем этим тянулся на большое пространство густой сад.

За таким-то укреплением, которое в течение ста лет выдержало не одну осаду и отразило не одно нападение горных чувашей и черемис, жил со своей семьей Андрей Романович Яглин. А семья у него была маленькая: сам с женой да сын Роман и дочь Ксения.

Долгое время жил спокойно Андрей Яглин. Он занимался хозяйством да растил детей, из которых дочери пошел уже шестнадцатый год, а Роману – только восемнадцатый, и думал так век прожить, детей пристроить – сына женить, а дочь замуж выдать, а потом со своей старухой спокойно умереть, как подобает православному христианину. Да судьба иначе судила.

Долгое время ждали жители города Свяжска к себе нового воеводу. Впрочем, и прежним они были довольны: не слишком грабил. Да, видно, не полюбился он кому-нибудь в Москве и решили там убрать его и послали править каким-то острогом на Урале.

«Каков-то будет новый воевода? – не без страха думали свяжцы. – Много ли возьмет он «въезжих», да как судить будет, да не будет ли брать «посулов», да как около нас кормиться будет?»

Эти вопросы для жителей городов того времени были далеко не безынтересными, так как «кормленье» воевод для земских людей было большим местом.

«Рад дворянин собраться в город на воеводство: и честь большая, и корм сытный. Радуеться жена – ей тоже будут приносы; радуются дети и племянники – после батюшки и матушки, дядюшки и тетушки земский староста на праздниках заедет и к ним с поклоном; радуется вся дворян, ключники, подклетные – будут сыты; прыгают малые ребята – и их не забудут. Все поднимается, едет на верную добычу»⁵.

– А ну, да как пришлют такого воеводу, который до этого был! – гадали посадские и земские люди. – Тому если стяг мяса принесешь, так он требовал, чтобы ему всего вола принести, да с копытами, рогами и шкурой. Кусок сукна жене подарить о Рождестве, так он веницейского бархата себе затребует. А не исполнить нельзя: запрет, собака, лавку да подговорит какого-нибудь гультая подкинуть подметное письмо, что держишь в своей лавке вино или чертово зелье. И велит захватить тебя да запрет в железы и сиди там, пока не откупишься. А посулы как любил – беда!

Наконец как-то раз утром прибежал в Свяжск один из целовальников с переправы на Волге и закричал усталым голосом:

⁵ Из «Истории» С. Соловьева.

– Приехал! Воевода приехал!

Все замерли в ожидании.

Нового воеводу звали Авдеем Курослеповым. Происходил он из боярских детей и правил служилую службу: воевал со шведами да с ляхами, причем в войне со шведами потерял один глаз, куда угодил ему конник своим копьем.

Этому случаю Курослепов обрадовался так, что и глаза не жалко стало.

«И с одним проживу, – думал он. – А теперь вот и отдохнуть можно: буду просить царя пожаловать меня за верную службу, чтобы послал меня куда на кормление воеводой».

Был у него в Москве один хороший товарищ: боярин Сергей Степанович Плетнев, с которым он вместе один поход против ляхов совершил, причем Курослепов его раненого из сечи на своем коне вывез.

«Плетнев поможет, – думал он. – Чай, старой услуги не забыл. А у него в Москве много приятелей, да и сам каждый день на дворцовой площадке бывает, со многими сильными людьми видится».

Собрался Курослепов в Москву, набил полный кошель деньгами, так как хорошо знал, что Москва больше деньгам, чем слезам, верит, и поехал.

Боярин Плетнев не забыл старой услуги; он принял Курослепова с распростертыми объятьями и угостил так, что Курослепов три дня пьяный ходил.

– А ведь я, боярин, в Москву за делом приехал, – сказал наконец он, когда пьяный угар немного улегся в голове.

– Что же, рад другу услужить, коли смогу. У меня приятелей полна Москва наберется.

Курослепов изложил ему свое желание – сесть где-нибудь на «кормление».

– Да ты вот о чем... – в раздумье произнес Плетнев. – Ну, это, брат, дело нелегкое. Тут у нас по приказам такие жохи сидят, что только ну! Без посулов и не подступайся.

– Да это – не велика беда. Я готов и посулами поклониться. За свой век сколотил деньжонок малу толику. На кон поставить их можно. Там все вернуть назад можно.

– Ну, так дело можно устроить. Я за тебя посольским дьякам пообещаю.

– Уж постарайся, Сергей Степанович. А я тебе из своей будущей «вотчины» подарочек пришлю да во всех тамошних церквях за обедней прикажу твое имя поминать.

Плетнев на другой день куда-то ушел и вернулся только вечером.

– Ну, Авдей Борисович, – весело сказал он, входя в комнату, где сидел Курослепов, – молись Богу да благодари Миколу Угодника.

– Али что выгорело, боярин?

– Выгорело! Только недешево достанется тебе воеводство это. Сот пять серебра выкладывай.

Поморщился расчетливый Курослепов, так как не думал, что воеводство будет так дорого стоить.

«Ну, да не беда, – подумал он затем, – на воеводстве все с лихвой выколочу».

– Иди завтра в приказ, подавай свое челобитье, да денег поболее пятисот бери: помимо дьяка надо еще дать подьячим, ярыжкам приказным разным, и стрельцов, что у приказа стоят, не обойди. Сухая-то ложка рот дерет. Да не забудь еще: дьяк с тебя за воеводство вдвое запросит. Так ты торгуйся, более пяти сотен серебра не давай. Это мне верный человек сказал, что теперь у них по росписи только одно это воеводство впусе и осталось.

– А не знаешь, боярин, где это воеводство? – спросил Курослепов.

– А где-то в Казанском краю. Городка-то только наверное не помню.

Курослепов опять поморщился.

Плетнев заметил это.

– Да ты погоди лицо-то кривить, Авдей Борисович, – сказал он. – Ты только подумай, где ты воеводить будешь? В таком крае, откуда в Москву ни одна жалоба не придет. Ведь это

чуть ли не на краю света. Одна Сибирь только дальше-то. Да к тому же в Казани воеводой мой большой дружок сидит. Он на все, что ты там творить будешь, сквозь пальцы будет смотреть.

Доводы подействовали на Курослепова, и он в тот же вечер засел за писанье следующей челобитной:

«Великому государю, и царю, и великому князю всея Руси и многих земель отчичу и дедичу обладателю холопишка Авдейка Курослепов бьет челом.

Слезно прошу тебя, великий государь, приказать меня пожаловать за мою многую службишку тебе воеводством. В прошлых годах был я, Авдейка, по твоему, великого государя, приказу во многих походах и со шведами и с поляками воевал. И в той, со шведами, войне глаза лишился, и спина не может, и поныне не могу тебе, государю, походную службу править. И бью тебе ныне челом, прикажи меня от прежней службы отставить и за многие ратные труды мои пожаловать великим жалованьем и пошли куда-нибудь на воеводство. А в том, что я, холоп твой Авдейка, правду говорю, у меня и послух есть».

XI

На другой день Курослепов поднялся рано и, усердно помолившись пред иконами, пошел в приказ.

Старшего приказного дьяка он скоро нашел.

– По какому делу? – спросил тот, пронизывая Курослепова своими маленькими, хитрыми глазками.

– Да челобитьишко подать, – ответил Курослепов, – на воеводство.

– У нас одно воеводство осталось, – ответил дьяк. – В Казанской земле город Свияжск есть. Да недешево будет стоить воеводство это.

– А какая цена у вас по росписи?

– Да роспись что? – пренебрежительно ответил дьяк. – Когда много воеводств есть, тогда мы по росписи, а теперь лишь одно воеводство впусе осталось – ну и цена на него особливая.

– А какая цена ему будет?

– Тысяча рублей.

– Побойся Бога, дьяк! – сказал, махая руками, Курослепов. – Да когда же такие цены были? Ведь это не Смоленск или не Новгород, чтобы тысячу рублей брать. Уступи хоть что-нибудь! Когда такие деньги на воеводстве соберешь? Да и городишко-то твой так себе.

– Ну, умеючи-то понасобирать скоро можно. А что город плох, так ты этого не говори. Там народ все безответный – чувашаи да черемисы – бери с них что хочешь.

– Да все же уступить надоть, дьяк.

Начался торг – и через некоторое время свияжское воеводство досталось Курослепову за восемьсот рублей.

Через несколько недель Курослепов ехал с указной царской грамотой на воеводство и уже по дороге начал проявлять свою воеводскую власть. Несмотря на то что он всю дорогу ехал даром, так как в выданной ему в приказе подорожной было сказано, что едет-де он на царскую службу и денег и пошлин за провоз, на лошадях ли, сухопутьем ли, на стругах ли, с него не брать, но этого ему казалось мало. Подвод он заставлял выставлять вдвое, чем показано в подорожной; перевозчиков и струговщиков заставлял для себя на другом берегу рыбу на уху ловить; а если где оставался переночевать, то там все до хозяйских женок и девок добирался. А иногда просто, потехи ради, возчикам зубы выколачивал.

Но вот он доехал до Свияжска.

Встревоженный целовальниками народ побросал свои занятия и побежал к городской заставе посмотреть на нового воеводу и по внешнему виду угадать, каков он – грозен или милостив? Соборный поп и обедать бросил, поскорее оделся и приказал во все колокола звонить на колокольне. В церкви собрались и все служилые люди города – дьяки, подьячие, земский и губной старосты, целовальники, ярыжки, а также те немногие бояре и дворяне, которые жили в городе, и именитые купцы.

Впереди всех стоял священник с крестом, а позади него земский староста с блюдом в руках, на котором был хлеб-соль, а рядом с нею «денежная почесть», или «въездное», собранное еще заранее среди всех жителей города.

Курослепов подъехал на телеге к собору и подошел под благословение к священнику. Затем его приветствовал земский староста и просил не погнушаться мирским хлебом-солью. Курослепов на последнюю и не взглянул, а сразу взялся за «денежную почесть» и тряхнул ее, желая удостовериться, много ли там.

– Немного же собрали! А, кажись, город не бедный! – произнес он затем и прошел в собор, где лежали мощи епископа Германа, одного из трех просветителей Казанского края.

Все, встретившие нового воеводу, разошлись, почесывая себе затылки.

«Ну-у, – думали они дорогой, – а, пожалуй, новый-то воевода даст о себе объявку лучшего старого. Тому «въезжего» куда меньше поднесли – и то как доволен остался. А этот: «немного же собрали». Объявит же он себя! Не дай Бог с ним дело иметь! С живого шкуру, пожалуй, драть станет».

И действительно, новый воевода показал себя.

Скоро стоном застонала вся Свияжская земля.

Лют оказался новый воевода. Много ему всяких добровольных подношений делали земский и губной старосты, дьяки, прочие служилые, тяглые и торговые люди, а все ему мало было.

– Что мало принес? – кричит он на какого-нибудь челобитчика. – Да ты подумал ли о том, с кем тягаться-то вздумал? Может, ответчик-то больше твоего даст, так кого я по совести должен осудить: его или тебя? На, бери назад свою челобитную да сначала побольше принеси поклона!

Сильно стал кормиться воевода. Много у него уже накопилось добра в сундуках и амбарах, а ему все мало.

«И куда ему, бездне эдакой, столько добра? – думали свияжские люди. – Добро бы семейный был или бы женатый, а то один как перст на свете!»

Воевода и сам видел, что в какой-нибудь один год у него довольно добра накопилось, пора бы и остановиться и полегче брать. Но жадность свое брала, и не мог он удержать свою расходившуюся руку.

– Вор!.. Одно слово – вор!.. Хуже татарина некрещеного!.. – в один голос порешили свияжские люди. – Совсем со света сживет нас.

И стали было подумывать свияжские люди, нельзя ли кого-либо отправить в Москву с челобитьем на вора-воеводу, чтобы сжалился царь над своими холопами и убрал от них Куро-слепова.

XII

А тут случилось такое дело, что не только весь уезд ахнул, а и сам казанский воевода, несмотря на то что у него было привезенное Курослеповым от Плетнева письмо, где тот просил своего кума не оставить своей милостью и научением нового свияжского воеводу, почесал у себя в бороде и задумчиво сказал:

– Ну, ну... Дела!.. Это как узнают в Москве, так отправят Курослепова за Камень⁶ соболей с куницами ловить. Ведь такое позорное дело. Словно бы и не русский воевода, а какой-нибудь нехристь.

А «позорное дело» это было следующее.

Как-то в один из базарных дней отправился воевода на городскую площадь с обычной своею целью: не кинется ли что в глаза, что можно было бы приставам приказать снести на воеводский двор.

В последнее время Курослепов перестал вообще стесняться и вел себя на воеводстве точно в завоеванном городе, таща себе во двор все, что ни понравится его завидушим глазам.

Кроме того, ко всему присоединился еще новый повод для недовольства свияжцев: большую охоту стал проявлять воевода к женскому полу.

Уж немало было в городе недовольных мужей, оскорбленных Курослеповым и ждавших только часа, чтобы так или иначе отмстить воеводе за бесчестье.

В этот же день он был настроен особенно благодушно и с улыбкой посматривал на встречавшихся ему на пути купеческих женок и дочерей, знавших повадку воеводы и потому торопливо закрывавших свое лицо рукавом.

И вдруг увидел воевода, что посредине улицы едет открытая колымага, а в ней сидят старик и молодая девушка с весело смотрящим по сторонам лицом. Нечаянно она повернулась в сторону Курослепова, и, должно быть, показалась ей смешной фигура воеводы, только она звонко расхохоталась и показала старику на предмет своего смеха. Старик взглянул, куда указывала девушка, и, узнав воеводу, поспешно ткнул рукою в спину правившего лошадами возницу, чтобы тот уехал скорее от греха.

Воевода обратил внимание на хорошенькое личико девушки, ее веселые, невинные глазки и задорный смех, несмотря на то что причиною последнего был он сам.

«Кто бы такая? – думал он про себя. – Кажись, городских-то девок я всех знаю, а этой что-то не припомню».

– Чья это? – спросил он приставов, кивая головой на уезжавшую колымагу.

– Дворянина Андрея Романова Яглина дочь, из уезда, – ответил один из них. – А старик-то – сам Андрей Яглин.

– Та-ак, – протянул Курослепов. – Славная девка!..

Двинулся было вперед воевода, на базар, да раздумал и вернулся к себе, в воеводскую избу.

И запали с той поры ему в голову образ дочери Яглина, ее по-детски смотрящие глаза, ее задорный, беззаботный смех. Как ни гнал он прочь это наваждение, старался заглушить то вином, то потехами разными, то развратом, а все образ дочери Яглина стоял пред его глазами.

Наконец он не выдержал и, позвав одного из приставов, сказал:

– Наряди-ка поезд: поедем к Яглину Андрею в гости.

Пристав понял это по-своему и со страхом сказал:

– Но, государь, это – дворянин, а не мужик. Не было бы нам от такого наезда лихо. Дворянскую дочь утащить к себе – это не крестьянскую или купеческую девку либо женку.

⁶ Камень – Урал.

– Не бойся, это не наезд будет, а будто бы по дороге завернули к нему отдохнуть. Через несколько дней воевода поехал в гости в усадьбу Яглина.

– Скажи хозяину, что к нему воевода в гости прибыл, – крикнул он встретившему их у ворот холопу.

Тот побежал исполнять приказание, и через некоторое время на крыльце самой большой избы усадьбы показался Андрей Романович.

– Не ждал, хозяин, к себе гостей? – со смехом сказал Курослепов, вылезая из колымаги и направляясь к крыльцу. – А мы вот по пути к тебе завернули.

– Милости просим, государь, – ответил Яглин, почтительно и в то же время с достоинством кланяясь неожиданному гостю. – Я такому гостю всегда рад. Для моей избы честь, что ее посетил царский ставленник.

– Ну, коли рад, так принимай. А вы у меня – тихо вести себя!.. – крикнул Курослепов окружавшим его холопам и стрельцам. – Коли учините что, в железах сгною, батогами забью насмерть.

Воевода с хозяином вошли в избу.

И вот они сидят за столом, уставленным блюдами с яствами, среди которых стояли жбаны с различными квасами, медами и пивами, графин с фряжской водкой и бутылки с различными наливками домашнего приготовления.

Андрей Романович усердно угощал Курослепова. Но воевода мало ел и плохо пил, а все смотрел по сторонам и вскидывал взор на каждое вновь входящее в комнату лицо, как будто бы желал увидеть кого-то.

– А что, Андрей Романович, – сказал он через несколько времени, – ты как же живешь-то: неужто бобылем? Ни жены, ни детей у тебя нет?

– Нет, зачем бобылем, государь? – ответил хозяин. – И жена и дети у меня есть. Не обидел Бог...

– Что же их не видно?

– А жена-то захворала, вишь ты. На лодке по Волге катались, да, знать, продуло ее. Ну и лежит теперь в своей светелке. А сынок в поле поехал зайчишек потравить. А дочка у себя в тереме сидит. Что ей здесь делать?

– А велики у тебя дети?

– Да сыну с ноября двадцать седьмого, идь же память преподобного Романа римского, восемнадцатый пошел, а дочери с июля одиннадцатого – шестнадцатый.

Еще кое о чем поговорил гость с хозяином и наконец уехал, так и не увидав той, ради которой приезжал.

В следующий раз Курослепов приехал в один из пасхальных дней. Тогда и Яглина была здорова, и Роман дома.

– А что же у тебя, хозяин, не видать дочки-то? – обратился воевода к Андрею Романовичу. – Я ведь приехал к тебе со всей твоей семьей похристосоваться, а ты дочку-то ровно прячешь где в потайности. Нехорошо так!

– Нечего мне и хоронить ее, государь; она и сама придет сюда, – ответил Яглин и приказал сказать дочери, чтобы та пришла вниз, хотя это ему сильно не нравилось, так как худая слава про Курослепова относительно женщин дошла и до него.

Ксения явилась к гостям и воеводе первому поднесла на подносе кубок вина, прося его откушать, почтить хозяев.

Курослепов не мог глаз оторвать от скромно стоявшей пред ним зардевшейся девушки. Он пожирал взором ее красивое лицо, всю ее стройную фигуру, ее белые руки и высокие плечи.

«Хороша!.. Ох, хороша!..» – мелькало у него в голове, и грешные желания все более и более овладевали его душой.

Как в тумане, он уехал в тот день домой от Яглиных и всю дорогу думал о заморозившей его красавице.

С того дня зачастил он в усадьбу Яглиных, все для того, чтобы хоть мельком взглянуть на Ксению.

Прошло так с полгода. Наконец как-то раз, уже летом, Курослепов сказал Андрею Романовичу:

– А что, Андрей Романович, не породниться ли нам? А?

– Как же это так, государь? Не понимаю что-то твоих слов.

– Да неужто не догадаешься?.. Экий же ты!.. У тебя ведь есть дочь? Да? Ну и отдавай ее за меня.

Андрей Романович удивленно поглядел на воеводу, не будучи в состоянии угадать, шутит ли тот или говорит серьезно.

– Ну, чего же молчишь, Андрей Романович? – спросил Курослепов. – Или жених не ко двору пришелся?

– Не ко двору, государь, – ответил, глубоко вздохнув, Андрей Романович. – Молода моя дочь будет для тебя. Не обессудь.

– Вот оно что!.. Что же, коли не ко двору дворянскому пришелся царский воевода, так прощенья просим. А только попомни, Андрей Романович, что не забуду я этого никогда, – стиснув зубы, произнес воевода и, рассерженный, встал из-за стола.

В смущенье вышел на крыльцо проводить воеводу Яглин. Сжалось у него сердце – и он все повторял себе, глядя вслед уезжающему воеводе:

– Ох, не забудет он этого, ох, не забудет! Не такой это человек.

Но прошел месяц-другой вполне спокойно, и Яглин перестал думать об этом, забыл об угрожающих словах Курослепова.

Но тот не забыл оскорбления от Яглина.

И вот в одну летнюю ночь в ворота усадьбы последнего раздался громкий стук, сопровождаемый бряцаньем металла и громкой руганью.

– Кто там? – с испугом закричал привратник, машинально хватаясь за прислоненный к стене бердыш.

– Отворяй, чертов сын, коли приказывают, а то ворота разобьем!.. – раздалось снаружи чьи-то крики, и несколько новых ударов потрясли ворота и забор. – В гости приехали...

Но привратник медлил отворять ворота, а затем, сообразив, что едва ли добрые люди таким образом придут в гости, с испуга закричал во весь голос:

– Воры!.. Помогите!.. Разбой!..

Однако в это время сбитые сильными ударами ворота слетели с петель, и сам привратник, оглушенный ударом в голову, повалился замертво на землю. Какие-то люди ворвались во двор и хлынули по направлению к большой избе, где жили Яглины.

– Девку хватайте!.. Не грабить!.. – раздался им вслед голос, по которому всякий бы узнал воеводу.

Несколько испуганных слуг выбежало было из изб, но все скоро лежали связанными на земле.

Старик Яглин и его сын, спавшие в одной горенке, проснулись от шума и, предполагая нападение каких-то воровских людей, выбежали на крыльцо: один с заряженной пищалью, а другой – с саблей. Но нападающие в это время уже бежали к воротам и, сев на лошадей, поскакали прочь от усадьбы в поле.

В это время на одном крыльце раздался громкий вой. Это кричали жена Яглина и старая мамка Ксении.

– Ой, увезли!.. Увезли воры наши Аксиньюшку!.. Бесталанная ты наша голубушка!.. И куда-то теперь тебя злодеи завезут?..

– Воевода!.. – крикнул все понявший Яглин. – Он, вор, увез!.. Эй, на коней!..

Через несколько минут вся усадебная челядь была на лошадях и скакала по Свяжской дороге. Лошади быстро неслись по ровной дороге, и вскоре нагоняющие увидели скачущую впереди кучку людей.

– Стойте!.. – закричал им Яглин. – Не то стрелять будем!..

Но преследуемые по-прежнему скакали во весь опор.

Вслед им загредел блеснувший в ночной тьме выстрел, и один из всадников, покачнувшись на седле, свалился на землю.

Расстояние все более и более уменьшалось – и Курослепов, на лошади которого поперек седла была перекинута Ксения Яглина, видел, что скоро его нагонят. Как ни хлестал он своего коня, но последний, скакавший второй конец, начал уставать и то и дело спотыкался.

Вслед им загрели еще выстрелы – и уже несколько пуль просвистело над головой воеводы.

Курослепов струсил при мысли о том, что шальная пуля может задеть его и убить наповал.

«А ну ее к черту, и девку-то эту! Из-за нее, чего доброго, еще жизни лишишься», – решил он про себя и кинул бесчувственную девушку прямо на дорогу.

В это время раздался сзади еще выстрел – и Курослепов услышал, как невдалеке пуля ударилась во что-то мягкое.

При свете разгоравшейся зари нагоняющие, доскавав до брошенной девушки, тотчас же заметили ее на дороге и остановились.

Первый соскочил с лошади Андрей Романович. Он быстро наклонился над брошенной девушкой и тотчас же отдернул руки. Они были в крови.

– Аксиньюшка!.. – не своим голосом закричал старик, хватая дочь своими окровавленными руками. – Убили!.. Злодеи!.. Они убили ее!.. Будь они прокляты!..

Все кругом молчали.

Преследовать дальше было бесполезно, так как разбойники уже успели скрыться из виду. Убитый горем старик и опечаленные челядинцы, любившие кроткую, ласковую боярышню, устроив из чего-то носилки, печально возвратились в усадьбу.

ХІІІ

Андрей Романович хорошо знал, что ни в Свияжске, ни в Казани на воеводу жаловаться некому, а потому решил:

– В Москву, к царю надо идти, ему челом ударить. Он один – заступа.

Тогдашнее хозяйство было исключительно натуральное и денег в то время ни у кого в запасе много не водилось. Между тем Андрей Романович хорошо знал, что Москва, в лице своих приказов, любит деньгу и что без них в Белокаменной нельзя ступить ни шагу, а потому начал обращать в деньги все, что только можно было. Для этого пришлось продать половину скотины, множество хлеба да, кроме того, идти занимать денег под рост.

Наконец, когда исполнился сороковой день после смерти Ксении, Андрей Романович с сыном поехали в Москву искать правды.

Но оказалось, что в Москве не так-то было легко сделать это.

Курослепов предвидел, что Яглин станет на него жаловаться в Москве. Да об этом говорила вся Свияжская земля, так как все знали, что Яглин обращает хлеб и скотину в деньги, и хорошо понимали, для чего это делается. Поэтому воевода послал туда верного человека с богатыми посулами, который кланялся различным воеводам, дьякам и подьячим и жаловался, что на «Авдешку Курослепова, верного царского слугу и воеводу, идет бить челом Андрюшка Яглин, что-де напал он, воевода, разбойным образом на вотчину Яглина и исхитил его дочь и что будто та девка пала от чьего-то огненного боя. А он, воевода, ни в чем тут не повинен и на Яглина, памятуя крестное целование государю, разбойно не нападал. А нападали на вотчину Яглина какие-то неведомые воры, которые и сделали смертное дело над дочерью Яглина. И он, воевода, когда о том прослышал, нарядил стрельцов, и те стрельцы всюду искали тех воров – надо быть, татар или чувашей, – но нигде отыскать их не могли. Но он, воевода, надежды не покинул и разыскать их постарается. А его, воеводу, просит он, Курослепов, от напрасного поклепа защитить, а в том он верный слуга и заслуги той до конца жизни не забудет».

В приказах то челобитье читали и косились на кошель, где позвякивали деньги. Затем последние высыпались на приказный стол и при всех пересчитывались. Смотря по тому, казалась ли берущему достаточной эта сумма или нет, обещалась заступа или же требовалось «доложения». Посланец Курослепова, снабженный в изобилии деньгами, ни слова не говоря, докладывал, кланяясь и прося берущего не оставить своею милостью.

Так посланный обошел все приказы, где только нужно было, и везде были обещаны для Курослепова защита и заступа.

Затем посланец отписал в Свияжск к Курослепову:

«Все-де обстоит хорошо: коршунье, что по большим гнездам сидит, зерно клюет и каркает хорошо. И тебе, государю, пока кручиниться не о чем. Я же пока здесь посижу и надо всем доглядывать буду. А как приедут сюда перепела с Волги и что они здесь делать будут, то о том тебе, государю, в точности опосля опишу. А пока вышли с кем-нибудь мне на прокорм, дабы здесь голодному не быть, потому денег твоих, государь, немного осталось: коршунье сильно зерно клевало, и его немного осталось у меня».

Когда Яглины приехали в Москву, то в первое время не знали, что делать и куда идти, пока кто-то из добрых людей не посоветовал им искать «милостивца», какого-нибудь сильного и влияние имеющего человека, могущего им помочь.

Но у Яглиных в Москве решительно не было знакомых, которые могли бы помочь им. К тому же гордая натура Андрея Романовича возмущалась при мысли, что в правом деле нужно искать каких-либо кривых или задних путей.

– Ведь есть на Руси справедливость-то, – возмущенный, говорил он своим новым московским знакомцам, каким-то купцам, торговцам суровского товара из торговых рядов на Красной площади.

– Справедливость-то?.. – усмехаясь, сказал старший купец. – А ты, дедушка, про Сысканой, или Тайных дел, приказ слышал там, у себя-то?

– Приходилось слышать, – ответил Андрей Романович, весь содрогаюсь, так как хорошо знал, что делается в этом страшном приказе.

– Так вот там, в одном месте по всей Москве, и найдешь ты справедливость. Да и то такую, которую с дыбы добыть можно, а не добрым путем.

Но Андрей Романович все еще не хотел терять веру в справедливость и решил на другой же день пойти по приказам. Однако в конце этого же дня он увидел, что его расчеты на существование в Москве такой вещи, как справедливость, начинают колебаться.

В приказах его челобитье принимали, косились на то, сколько выкладывал перед ними Андрей Романович денег, и велели приходить через то или другое время, потому что «тут дело не простое, а государево, и потому его надо вести с осторожностью, дабы не было опалы от великого государя за поруху, которую можно наложить на честное имя его верного слуги».

Когда же Андрей Романович приходил в назначенный день, то ему говорили, что такие дела так скоро не делаются, что тут надо собрать всякие справки и сведения и пусть он зайдет в такой-то день.

И в этот день повторялась какая-нибудь отговорка. И так далее, без конца.

Прошел год, как Андрей Романович жил с сыном в Москве, а дело его не двигалось ни на шаг.

– Не скупишься ли ты? – спросил как-то раз тот же знакомый купец, у которого Яглины впоследствии и поселились.

Но Андрей Романович на подарки приказным нисколько не скупился. Он еще раз получил из усадьбы денег и тоже почти все их растерял по приказам. Однако дело от этого скорее не двигалось: должно быть, Курослепов дарил щедрее, чем Яглины.

– Нет, тут, видно, ничего не поделаешь, как надо искать вам «милостивца», – опять высказал свою мысль купец. – Без него тут ничего не поделать вам. До самой смерти проживете здесь, а ничего от этих собак приказных не получите.

Но где искать «милостивца», какую-нибудь знатную особу, когда у Яглина никого не было среди московского боярства знакомых?

Тут им пришел на помощь случай.

Однажды Роман забрался на Красную площадь, где с Лобного места дьяком читался какой-то царский указ. Потолкавшись некоторое время, почти вплоть до вечера, между народом и посмотрев в городе то, чего он прежде не видал, молодой человек двинулся домой. Когда он проходил по какой-то глухой улице, то вдруг услышал позади себя чей-то громкий крик:

– Берегись!

Роман оглянулся и увидел, что сзади едет небольшая колымага, запряженная парой лошадей в сбруе, украшенной блестящими и звонкими бляхами. В колымаге сидел какой-то боярин в богатой, с золотыми нашивками ферязи и в высокой горлатной шапке.

– Берегись! – еще раз закричал возничий.

Роман оглянулся по сторонам.

Стояла ранняя весна, вследствие которой на немощеных улицах Москвы была страшная грязь. Роман шел по тропинке, проложенной ногами предыдущих прохожих как раз посередине улицы. Свернуть некуда, так как эта тропинка – единственное место, по которому не только можно безопасно идти, но и стоять. Поэтому Яглин медлил повиноваться крику возницы и думал, как ему быть в этом случае.

Но возница был не из терпеливых и, не долго думая, ударил Романа по спине длинным арапником, бывшим у него в руках. Молодой человек вскрикнул от боли и, машинально скакнув в сторону, угадал в самое топкое место грязи.

Сидевший в колымаге боярин засмеялся густым, жирным смехом – и колымага проследовала мимо обозленного ударом Яглина. Но не успела она проехать и двадцати шагов, как Роман увидел, что экипаж вдруг как-то сразу накренился на одну сторону, опрокинулся и грузный боярин вместе с возницей упали в грязь.

Яглин был отмщен этой картиной и, схватившись за бока, стал от души хохотать, глядя на барахтавшихся в грязи обидчиков.

Впрочем, челядинец скоро поднялся и принялся помогать боярину встать на ноги. Последнему это сделать было нелегко, так как надетая на нем длинная одежда в сильной степени стесняла свободу движений его членов. Поэтому как ни старался челядинец, а боярин все продолжал биться в грязи, не будучи в состоянии встать на ноги в липкой, жирной грязи московской улицы.

Видя это, Яглин сжалился и подошел к ним.

– Ну, давай, боярин, руку. Я помогу тебе, – сказал он. – А то ты долго еще тут пробарахтаешься с этим остолопом.

Боярин вскоре был поставлен на ноги.

Теперь предстояла другая задача: исправить как-нибудь повреждение у колымаги, у которой переломилась пополам задняя ось. Кое-как они втроем приподняли экипаж, связали веревкой оба конца оси и потихоньку повезли колымагу в конец переулка.

– Ну, молодец, извини, что этот дурак тебя обидел, – сказал боярин. – Домой приеду, я его угощу батогами.

– Ничего, боярин, – весело ответил Яглин. – Это он по своей дурости так сделал.

– А ты все-таки, как видать, зла не помнишь, – с усмешкой сказал боярин. – Вишь, помог нам.

– Что же, боярин, это – дело мирское. Всякий бы на моем месте так сделал.

– Ну, спасибо тебе!

Двигаясь потихоньку по липкой грязи, они понемногу разговорились.

Бояре того времени обыкновенно гордо держались с лицами, стоявшими ниже их по положению, и предпочитали сноситься с ними посредством своих челядинцев. Так что в описываемом случае если бы кто увидел гордого стольника Петра Ивановича Потемкина беседующим с каким-то человеком, конечно уж не боярином, то страшно удивился бы этому. Однако это случилось. По всей вероятности, Потемкин проникся благодарностью к помогшему им человеку, который к тому же не помнил причиненной ему обиды.

Понемногу Яглин рассказал ему, кто он и зачем приехал с отцом в Москву, сообщил про злодеяние Курослепова и о том, как они напрасно с отцом искали правды по московским приказам, где все, очевидно, уже было закуплено свияжским воеводой.

– Да, вон оно какое дело-то! – качая головой, сказал Потемкин. – Тут действительно трудно что поделать. В приказах такие доки сидят, что только – ну! Готовы тебя живьем сглотнуть – и нисколько не подавятся, крапивное племя! Такой уж там народец!

В это время они дошли до конца улочки, и Потемкин решил, что ему теперь, на людях, уже зазорно будет идти с худородным человеком.

– Ну, молодец, ты иди теперь к себе домой, – сказал он, – а завтра приходи-ка в Белый город да разыщи там меня. Ты мне понравился. Может, что и удумаем, как твоему да отцову горю помочь.

И, кивнув Яглину, Потемкин, степенно опираясь на трость, пошел дальше, не глядя по сторонам и лишь изредка кивая головой на поклоны кланяющихся ему встречных людей.

XIV

В тот же вечер Роман рассказал дома отцу все происшедшее с ним.

– Ну, слава богу, – сказал старик, – может, мы в этом боярине и милостивца найдем. Будет помощник в нашем праведном деле.

На другой день Яглины поднялись рано. Они оба набожно помолились на иконы – и отец благословил сына, повторяя:

– Дай-то Бог! Дай-то Бог!

Роман ушел со смутной надеждой на «милостивца».

От Потемкина Яглин ушел обнадеженный, с радостными мыслями, что наконец-то дело, по которому он с отцом приехал в Москву, нашло своего «милостивца» и теперь, быть может, оно пойдет гладко. Ведь шутка ли: Петр Иванович Потемкин бывает на Верху, и его знает сам Тишайший царь! Долго ли ему сказать царю о черном свияжском деле?

– Приходи ко мне как-нибудь с отцом, – сказал Роману на прощание Потемкин. – Мы, старики, скорее ведь споемся друг с другом.

Через несколько дней Андрей Романович сидел с Потемкиным и разговаривал с ним о своем деле.

– Так, так! – говорил Потемкин. – Черное дело, черное дело. Так оставить нельзя.

– Помоги уж, благодетель! Век за тебя будем Богу молиться. Только бы обидчику-то как-никак отплатить! – вставая со скамьи и кланяясь, сказал Андрей Романович.

– Надо, надо помочь, – обнадеживал его Потемкин. – Только вот что, Андрей Романович: чать, и сам знаешь, что сухая ложка рот дерет.

– Ох, благодетель! Разве я за этим постою? Последнюю рухлядишку и с усадьбой вместе накажу продать, а уж тебя отблагодарю.

– Да нет, разве я про то? – сказал Потемкин. – У меня и своего добра некуда девать. Я про другое.

– Про что же, милостивец? Не разумею.

– А вот про что! – и Потемкин стал ему говорить.

Задумался Андрей Иванович, идя к себе домой, и раздумался про то дело, о котором говорил ему Потемкин перед этим.

А дело было следующее.

Дочь Потемкина, Анастасия, готовилась уже в «Христовы невесты». Причиной этому было особенное безобразие ее лица: на рябой поверхности сидела пара косых глаз и «заячья губа», что заставляло всех женихов избегать ее. Как ни старался Потемкин сбыть с рук дочь хоть за кого-нибудь, только не за смерда, а за дворянина или боярского сына, – даже бедные дворяне и боярские дети оббегали безобразную Анастасию. Время шло. Девка все более старела, характер ее становился день ото дня несноснее, и Потемкин только спал и видел, кому бы на руки сбыть ее.

Встреча с Яглиным заинтересовала его именно с этой стороны.

«Да вот кому можно сбыть Настюху-то! – подумал Потемкин. – Дело их я устроить могу, а заместо этого потребую, чтобы Роман женился на Настюхе».

Не откладывая дела в долгий ящик, он предложил эту комбинацию Андрею Романовичу.

– И вам хорошо будет, и мне, – сказал он последнему.

– Посмотреть бы надобно было, Петр Иванович, – робко сказал Яглин.

– Что же, хочешь – так и посмотри, – согласился Потемкин и, хлопнув в ладоши, сказал холопу: – Позвать сюда Настасью!

Девушка явилась к отцу и гостю.

«Н-да, – подумал про себя Андрей Романович, – этакую-то красавицу кому угодно рад сбыть, только возьми пожалуйста!»

– Так как же, Андрей Романович? – спросил его Потемкин. – По рукам, что ли?

– Не знаю, как тебе и сказать, Петр Иванович, – немного помолчав, ответил Яглин. – Одному-то мне такое дело решать не годится: дело-то идет не обо мне, а о сыне. Его поспрошать надоть.

– Да чего же его и спрашивать-то? Твой ведь сын-то или нет? Ну, так велел ему – и делу конец.

– Все-таки как без него решишь-то? Ему ведь с женой вековать-то, не кому другому.

– Ну, как ты там хочешь, Андрей Романович, – с неудовольствием сказал Потемкин. – Хочешь – советуйся с ним, хочешь – нет, твое дело... мой сказ тебе вот какой: женится твой Роман на нашей Настасье, буду хлопотать о вашем деле; нет – не обессудь. Да еще и сам я задерживать по приказам буду. У меня ведь и там благоприятели есть.

Сильно опечаленный вернулся к себе домой Андрей Романович и в тот же вечер рассказал все Роману.

Последний тоже призадумался. Не по душе ему была некрасивая и грубая дочь Потемкина. Знал он, что с нею он счастлив не будет и что только напрасно загубит с нею свой век.

– Что? Как? – пытливо заглядывая сыну в лицо, спросил Андрей Романович.

– Постой, батюшка, не нудь! Дай подумать малость.

– Что же, подумай, – согласился старик. – Жениться – это не сапог надеть, да еще на такой, как потемкинская Настасья.

Роман ходил несколько дней, все раздумывая над задачей, которую ему предстояло решить. С одной стороны, если согласиться жениться на рябой Настасье Потемкиной, то их правое дело восторжествует и Курослепов будет по делам своим наказан; с другой же – весь век вековать с нелюбимой женой – это значило навсегда отказаться от своих личных радостей, возможности, быть может, когда-нибудь полюбить другую девушку.

Наконец Роман пришел к отцу и сказал:

– Иди, батюшка, к Потемкину и скажи ему, что я согласен жениться на его Настасье. Только пусть сначала он покончит наше дело.

Старик видел, как было тяжело для сына решиться на этот шаг, и со слезами обнял его.

На другой день Андрей Романович пошел к Потемкину. Последнего он застал чем-то озабоченным.

– Что, али чем опечален? – спросил, поздоровавшись с ним, Андрей Романович.

– Будешь печальным, – ответил тот. – И не думал не гадал, что в такую кашу попаду когда-нибудь. Слышь, царь посылает меня с посольством в зарубежные земли: в Гишпанию да к французскому королю по его великому, цареву делу.

– Вот напасть-то! – хлопнув руками о полы, воскликнул Андрей Романович. – А я было к тебе сватом: отдай свою Настасью за моего Романа.

– Ну? – радостно воскликнул Потемкин. – Вот как сладилось. Только как же теперь-то?... Свадьбу-то играть некогда: царь велит не мешкая ехать в посольстве, потому дело спешное...

– Уж и не знаю как, – безнадежно разводя руками, сказал Андрей Романович. – Как же так: стало быть, и делу нашему крышка тут будет?

– Не крышка, Андрей Романович, а задержка маленькая выйдет. Пока не вернусь из-за рубежа, ничего поделывать нельзя.

Андрей Романович грустно поник головой: судьба и тут преследовала их.

– Только как же быть с Романом-то? – озабоченно сказал Потемкин.

Ему очень не хотелось, чтобы добытый с таким трудом жених дочери ушел из его рук. А тут приходилось уезжать на долгое время, может быть, на год или два. Кто знает, что может в

это время случиться. Быть может, Яглины найдут себе какого-нибудь другого, нового «миловитца» и обойдутся без него. Тогда прощай жених для Настасьи!

И стал он думать, как бы устранить это препятствие.

«А... Надумал!» – наконец мысленно воскликнул он, вспомнив про что-то, и обратился к Яглину:

– А что, Андрей Романович, ведь, кажись, твой Роман знает язык немцев?

– Как же! Завелся у него в Немецкой слободе дружок один, сын лекаря Мануила. Ну, пока мы этот год в Москве жили, он частенько ходил в слободу, там и наострился по-немецки говорить, латинский язык выучился читать. Я не запрещал, греховного тут ничего не видя: пусть, мол, его забавляется, коли это ему нравится.

– Ну, вот, вот!.. – воскликнул обрадованный Потемкин. – Такого нам и надо в посольстве. Толмачом быть он годится. Отпускай его, Андрей Романович, с нами.

– Кого? Куда? – спросил ничего не понявший Яглин.

– Да твоего Романа с нами, за рубеж. Будет он при посольстве состоять.

– Романа? За рубеж? Да что с тобою, Петр Иванович! Как же это я единственного сына пушу от себя бог знает куда? Нет, нет! На это нет моего согласия.

– Да ты пойми, Андрей Романович, ведь это ему же лучше. Узнает про него царь, что он в посольстве толмачом состоял, посадит его в Посольский приказ. Подумай, какой он человек-то будет! А уж я для своего зятя разве не похлопочу?

– Так-то так, а все-таки – за рубеж... Это ведь только сказать легко...

– А что он здесь-то с тобою станет делать? Объедать тебя только. А там, в посольстве-то, ему и кормы пойдут, и государево жалованье. А до моего ведь приезда дело твое не двинется. Стало быть, он здесь бесполезен будет...

Долго колебался Яглин. Роман же, напротив, был рад побывать в чужих странах и посмотреть там на разные диковинки, про которые ему немало рассказывали немцы из Немецкой слободы.

Как ни не хотелось Андрею Романовичу, но наконец он сдался на доводы Потемкина и со слезами на глазах простился с сыном, отпуская его за рубеж, в далекие страны.

XV

Все это припомнилось Яглину, лежавшему на своей постели в верхней комнате гостиницы в Байоне и никак не могшему уснуть.

Тоска стала одолевать его на чужбине. Скорее бы на родину, поскорее покончить с тем делом, ради которого он поехал за рубеж, покинул родимые поля и степи и Москву златоверхую.

Невольно перед его глазами встали вдруг два образа: некрасивой, злой дочери Потемкина, его суженой и будущей жены, и «гишпанки» с ее обворожительным лицом, смелой улыбкой, заразительным смехом и свободой в обращении. Он сравнивал про себя этих двух женщин и невольно отдавал предпочтение чужеземке.

«Куда нашим московским до них! – думал про себя Роман Андреевич. – У этих жизни хоть отбавляй, а у наших все терема вытравили. Все по указу да по обычаю живут. Ни шага ступить, ни слова свободно сказать не могут. Точно путами связаны...»

Он перевернулся на другой бок, чтобы забыться и заснуть, но напрасно старался сделать это. На городской башне давно уже пробили полночь, а Яглин все еще не спал.

«Нет, видно, не заснуть!» – решил наконец он и встал со своей жесткой постели, которую ему заменял привезенный еще из Москвы войлок, постланный прямо на пол.

Тихо спустившись по лестнице, он вышел на улицу и медленно пошел по ней.

Ночь была светлая, лунная. На улице не было почти никого; изредка лишь попадались какой-нибудь запоздалый пешеход, по всей вероятности ночной гуляка, или всадники, составившие ночной патруль. Они окликивали одиноко идущего Яглина и, узнав, что он прибыл в Байону с посольством, проезжали дальше.

Яглин дошел до самого конца города. Здесь дома были уже реже, окружены садами и представляли собою как бы маленькие усадьбы.

Вдруг до его ушей донесся какой-то разговор. Роман невольно остановился и огляделся кругом.

Впереди, около небольшого домика, стоял какой-то молодой человек, судя по платью, офицер, державший в руках повод лошади, с нетерпением бившей копытом о каменистую землю. Возле лошади, глядя ее по шее, стояла девушка и разговаривала с офицером.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.